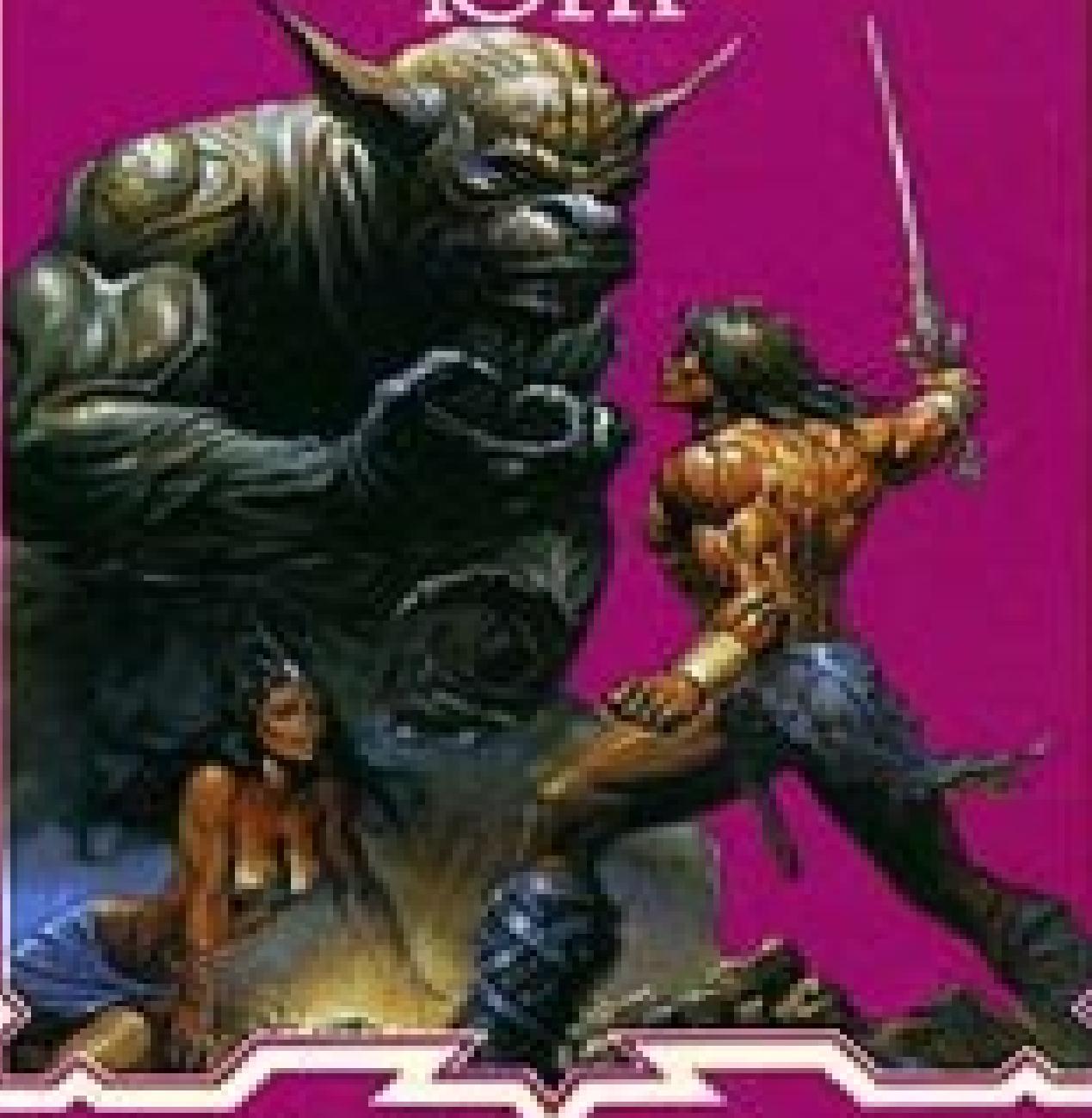

Ле^{нин}
Соколи^н

КОНАН И ЧАРОДЕЙ ЮГА

Annotation

В книгу входят рассказы Ника Харриса:

- * Демон алмазного замка
  - * Два талисмана (рассказ
-

- [Ник Харрис](#)
    - [Демон алмазного замка](#)
      -
    - [Два талисмана](#)
      -
-

Ник Харрис

Демон алмазного замка

На улицы славного Шадизара лиловыми тенями неспешно опускались сумерки. Дворцы и лачуги, радуясь прохладе, тонули в нежном полумраке. Заканчивался душный, суетливый день. Столица Заморы Шадизар — город воров и проституток, богачей и оборванцев, воинов и ремесленников — неспешно готовился кочной жизни. Последние торговцы покинули опустевшие базарные площади и спешили домой подсчитывать выручку. Ремесленники, закончив нелегкий трудовой день и наскоро умывшись, направились в таверны.

Несколько оборванцев уже сидели за грубо сколоченным столом, притулившимся у дверей старой харчевни, намереваясь играть в кости, но еще до начала игры меж ними вспыхнула ссора. Когда на крики вышел хозяин — толстый, лоснящийся южанин — компания игроков разбежалась, оставив на лавке истекающего кровью собрата. Неодобрительно глянув на рукоять ножа, торчащую между ребрами игрока, хозяин покачал головой и велел слугам унести тело, как только душа оборванца устремится к тем богам, которым он молился.

Слуги, весело болтая о своем, нетерпеливо поглядывали на закатившего глаза неудачника, с губ которого стекала кровавая пена. Обуреваемые жаждой, посетители харчевни привыкли к подобным зрелищам, поэтому они, равнодушно посматривая на умирающего, спешили за массивные столы, где их ждали запотевшие кувшины, плохо прожаренные куски жирной баранины и серый хлеб грубого помола.

Полупустая днем, к вечеру харчевня наполнялась разношерстным людом. В просторной комнате с низким, закопченным потолком и темными, давно не мытыми стенами рядами стояли столы и скамейки. Посетители по большей части имели вид мрачный и суровый. Нагруженные руки, усталые лица, настороженные глаза... Но по мере того, как живительная влага перетекала из кувшинов в желудки, на суровых физиономиях появлялись улыбки, завязывался оживленный разговор, все чаще слышался смех...

Постепенно веселье становилось все более непринужденным. Откуда-то появлялись легко одетые женщины, раскрашенные вызывающе и наивно, с откровенным, томным взглядом и многообещающей улыбкой. К полуночи кто-то из них уже танцевал на столе, демонстрируя обнаженное тело, — все еще стройное и притягательное, несмотря на бурную ночную жизнь. Иная, выхватив наметанным глазом посетителя, у которого еще имелись при себе деньги, садилась к нему на колени; удачливая девушка уводила пьяного гуляку в соседнее помещение, разделенное, как стойло для лошадей, на узкие отсеки.

В каждом отсеке имелась лежанка с грязным матрасом, набитым соломой — слежавшейся, утрамбованной многими спинами, локтями и коленями. Привычно предоставив пьяному, пропахшему застарелым потом ремесленнику усталые объятия, женщина затем прятала деньги и спешила в зал, надеясь найти хотя бы еще одного клиента.

Часто случалось так, что все лежанки оказывались заняты храпевшими, удовлетворившими пьяную похоть мужчинами, и тогда другие, еще полные вожделения, нетерпеливо сбрасывали бесчувственные тела на грязный, заплеванный пол. После чего торопливо срывали с себя одежду и, пуская слюни, бросались на потное, измятое тело проститутки, привычно принимавшей очередного мужчину.

К утру таверна наполнялась храпом, пьяным бормотанием, стонами... Те, у кого не хватило сил подняться и выйти на улицу в надежде доплестись до дома, спали вповалку — на

скамьях, на столах, на полу...

В это время в харчевне больше не пахло жареным мясом и молодым вином — густая вонь пота, немытых, разгоряченных тел, мочи и полупереваренной пищи, изрыгнутой из чьего-то нестойкого желудка, наполняла помещение...

Утром слуги торопливо выпроваживали проспавшихся посетителей. Непроспавшихся выносили и укладывали, как вязанки хвороста, в переулке за углом. Затем, шатаясь от утомления, наскоро наводили порядок и бежали по домам — отсыпаться, чтобы к вечеру вновь услужливо разносить кувшины с вином и помятые, медные блюда с кусками плохо прожаренной баранины.

* * *

Именно в такую таверну — к толстому Асланкарибу — однажды вечером зашел необычный посетитель. В Шадизаре человек, прячущий лицо под низко надвинутым капюшоном и закутанный в плащ, не был редкостью, но этот гость выглядел настолько странно, что прохожие оборачивались ему вслед. Капюшон темного, просторного плаща был надвинут так низко, что скрывал не только лицо, но и подбородок. Словно бы под капюшоном и вовсе не было лица. Да и под плащом, просторным и мятym, казалось, скрывался не человек, а старое, корявое дерево. Обут незнакомец был в щегольские, мягкие сапоги на изящно изогнутом каблуке. Грязный, дешевый плащ и дорогие сапоги, низко надвинутый капюшон и странная, дергающаяся походка... Есть, над чем призадуматься.

Глядя на эту нелепую фигуру, можно было бы и рассмеяться, но почему-то никто из немногочисленных в ту пору посетителей не смеялся. Что-то помешало им раздвинуть губы в усмешке. Асланкариб тонким слухом уловил звон оружия, донесшийся из-под плаща незнакомца. И совсем пропало желание смеяться, когда посетитель низким, со странным присвистом голосом потребовал вина.

В таверне повисла напряженная, тягостная тишина. Казалось, должно случиться что-то необычное, страшное. Даже успевшие опьянеть завсегдатаи харчевни не решались продолжить разговор и, будто затаившись, ждали развязки.

Странный гость, расположившись в самом темном углу, неторопливо тянул вино. Вскоре перед ним стояли уже два пустых кувшина, и только тогда он потребовал мяса. Хозяин удовлетворенно кивнул — этот человек явно не из тех, что падают от пары кружек. Перед ним сидел не забулдыга, нацепивший спяну плащ с чужого плеча.

Нет, это воин, спокойный, уверенный в своих силах, имеющий цель и знающий, что этой цели он достигнет. Вот только какова его цель? Зачем он появился тут — в небольшой харчевне на окраине города? Ищет кого-то? И голос... Асланкариб никак не мог понять, житель какой страны может говорить с такими необычными интонациями...

Насытившись, незнакомец жестом подозвал хозяина:

— Мне говорили, что у тебя в харчевне часто бывает киммериец по имени Конан.

— Бывал несколько раз... — осторожно ответил хитрый Асланкариб.

— Так вот, — продолжал гость, словно не слыша собеседника, — если он появится еще раз — известишь меня, я остановился неподалеку...

В этот момент — как бывает в затасканных историях, рассказываемых захмелевшими завсегдатаями харчевен — широко распахнулась дверь, и на пороге возник высокий,

широкоплечий воин, по виду наемник, с темным, покрытым шрамами лицом и ярко-синими глазами.

Рядом стоял странного вида карлик с длинным, увенчанным бородавками, носом и спутанной бородой.

Тишина в таверне воцарилась такая, что стало слышно жужжение мух, нетерпеливо кружящих над мусорным ящиком. Время застыло. Асланкариб не успел еще закрыть рот, как странный незнакомец уже стоял перед дверью. В руке у него сверкал необычного вида клинок — лезвие загибалось не назад, как у сабли, а вперед, нависая над противником.

Несмотря на всю быстроту движений незнакомца, Асланкариб успел заметить, что рука, обхватившая эфес необычного оружия, была темной и корявой, словно бы покрытой мелкой чешуей.

— Конан! — прошипел незнакомец. — Наконец я нашел тебя!

— Кто ты? — спокойно спросил воин, отступая на улицу, и привычным движением обнажая огромный вороненый клинок.

Закутанная в плащ фигура скользнула следом.

— Я послан забрать твою жизнь!

Незнакомец взмахнул мечом. Конан без труда парировал удар и, приняв боевую стойку, подготовился к атаке.

— Не убивай его сразу, — посоветовал варвару карлик, преспокойно отходя в сторонку, — сперва нужно было узнать, кто его послал, кто его хозяин, почему...

Дальнейшие его слова потонули в лязге стали. Незнакомец яростно атаковал, а Конан невозмутимо защищался, стараясь задеть ноги или руки противника. Странный гость фехтовал скверно, и Конану нетрудно было бы уже через несколько минут проткнуть мечом его скрытое под широким плащом тело. Но, проклятье, Хепат прав — нужно узнать, кто его послал!

Манера фехтования незнакомца была, по меньшей мере, странной... Почти ни одного привычного для воина удара... Словно руки у чужака сгибались не так, как у других людей...

Конан отступил, надеясь, что во время выпада противник раскроется, и тогда появится возможность нанести не слишком сильный удар по ногам. Затем — расспросить... узнать...

Странный посетитель сам напоролся на меч, неуклюже прыгнув вперед и отводя руку для удара. Жаль...

Вынув клинок, Конан склонился над бездыханным телом. Откинул капюшон, а затем и вовсе сорвал плащ. Кто-то из постоянных посетителей таверны, столпившихся вокруг места схватки, удивленно присвистнул. Кто-то охнул, кого-то даже замутило, и никто, кроме маленького спутника Конана, не отважился подойти к поверженному существу.

— Я таких тварей прежде не видел, — пробормотал Хепат, разглядывая окровавленное тело, — похож на большую ящерицу.

— Мне встречались подобные, — Конан вытер клинок и, выпрямившись, вложил его в ножны. — Но этот немного другой.

— Демон? — шепотом спросил подошедший Асланкариб.

— Разве демона можно убить вот так, запросто? — пробурчал Конан и направился внутрь харчевни.

В течение некоторого времени посетители обсуждали вопрос: можно ли убить демона мечом? Когда кувшины опустели, а языки стали заплетаться, решили, что убить мечом демона невозможно, и что тварь, заколотая Конаном — отнюдь не демон. Хепат попытался

было поставить не менее важный вопрос: что же это за тварь и откуда она взялась?

Однако осоловевшие граждане Шадизара, осушив в общей сложности не менее двух бочонков вина, совершенно утратили интерес к произошедшему у них на глазах убийству двуногой ящерицы и переключились на другие темы. В частности, обсуждались достоинства разных сортов вина и соответствие их цене, которую заламывают бессовестные трактирщики.

Затем очень кстати вспомнили вчерашний спор о том, можно ли считать крепким человека, который не может стоять без опоры на столб или стенку. Спорящие разделились на два лагеря. Одни считали, что держаться на ногах нужно «чисто» — без всякой опоры. Другие доказывали, что пока человек не лежит — он крепок. И неважно, какой предмет он использует в качестве опоры...

Конан не принимал участия в разговорах. Сидел, задумчиво потягивая вино из огромной глиняной кружки. На кружке неизвестный мастер ловко налепил уродливые барельефы драконов, горгулий и других не менее отвратительных существ. Некоторые напоминали убитую тварь, другие частично стерлись, и невозможно было понять, что хотел изобразить мастер.

«А ведь у других нет таких кружек, — подумал вдруг Конан, — только мне хозяин ставит ее... Наверное, это его самая лучшая кружка...»

Конан искоса глянул на ту, из которой цедил вино Хепат. Так и есть — у гнома она самая обычная, второпях сделанная на гончарном круге и к тому же плохо обожженная. Даже ручка прилеплена криво...

«Надо, надо разузнать, что это за тварь и кто ее послал, иначе в один прекрасный миг вторая такая же сумеет застать меня врасплох...»

— Наш поход за алмазами опять придется отложить. — Конан еще раз внимательно осмотрел кружку. — Нужно бы узнать, кто послал эту уродину...

— А? Что? — Гном оторвался от вина и мутно глянул на друга.

Конан не стал повторяться и жестом подзывал Асланкариба. Хозяин с готовностью приблизился и услужливо наклонился над столом.

— Откуда у тебя эта кружка? — спросил Конан неожиданно для себя.

Вообще-то он хотел заказать мяса и еще вина, но вот почему-то спросил о другом...

— Наконец-то ты обратил на нее внимание, — почему-то шепотом начал трактирщик. — В прошлом месяце ко мне заходил один человек. Странный человек. Помоему, волшебник — у меня нюх на волшебников... Как-то, помню, несколько лет назад некий колдун напустил на моего слугу...

— Уймись! — гаркнул Конан так, что обернулись ближайшие посетители. — Рассказывай про кружку!

— Да, да, — зачастил Асланкариб, — кружку эту он оставил и сказал, что подавать вино в ней нужно только тебе. Только тебе, пока ты не обратишь внимание на узоры. Потом я должен подарить ее тебе... хотя, честно говоря... она, наверное, дорогая и... Я бы хотел, хоть что-то за нее получить...

— Ах ты, старый плут! — Конан хотел казаться рассерженным, но невольно улыбнулся. — Раз волшебник сказал «подарить» — значит, нужно подарить! Но за вино я тебе заплачу побольше — так и быть... За вино, а не за кружку!

Через некоторое время, сполна расплатившись с хозяином и встряхнув задремавшего Хепата, Конан вышел на улицу, освещенную полной луной, похожей на дружески

улыбающийся череп.

* * *

Несколько дней перед путешественниками расстилалась серая, унылая равнина. Небо затягивали тяжелые тучи. Линия горизонта колыхалась в жарком мареве, хотя особой жары Конан и Хепат не чувствовали. Более того — иногда их пронизывало холодом, будто налетал с заснеженных гор яростный ледяной ветер.

— Странная местность, — хрипло сказал Хепат, понукая ленивого верблюда. — Я, конечно, не часто путешествовал... но...

— Вероятно, мы сбились с дороги, — мрачно произнес Конан. — Я бывал в этих местах... Здесь должны начинаться холмы, затем предгорья...

— А на горизонте — Карпашские горы? — Гном озадаченно почесал бороду. — Но их нет... Мы заехали не туда...

— Да тут и горизонта не видно, сплошное марево...

К вечеру серый свет постепенно померк, и воцарилась непроглядная темнота. Звезды не показывалась, луна мутным комом изредка мелькала за сплошной пеленой туч. Поскольку дров для костра чаще всего найти не удавалось, друзья, наскоро поужинав, молча заворачивались в одеяла и пережидали ночь в неспокойной дреме.

Утром поднимались — хмурые, невыспавшиеся, седлали животных и вновь пускались в путь по серой равнине.

Так проходили дни. Ничего не менялось. Вскоре тропинка, по которой ехали путешественники, исчезла. Под ногами коня Конана, верблюда Хепата и еще двух выючных верблюдов были только сухая трава, пыль и норы небольших зверьков. Сами зверьки, стоявшие в траве столбиками, завидев караван, издавали громкий свист, после чего с чувством выполненного долга неспешно ныряли в норки.

— Мне как-то не по себе, — пробормотал Хепат, оглядываясь. — Все серое вокруг... Может, мы заехали на те самые... Серые Равнины?

Конан помолчал, раздумывая.

— Что бы попасть на *те* Серые Равнины — нужно умереть... Мы же, вроде, живы... А живым туда попасть... Не так просто...

— Но мы и не просто попали... Нас завела твоя кружка...

— Кром! Хватит про кружку! — рявкнул Конан.

Последние дни, когда Хепат напоминал о кружке, киммериец не на шутку сердился. Да, действительно, когда однажды он приложил кружку к уху, как это делают моряки с раковинами, чтобы услышать «шум моря», послышался далекий голос. Некто указал направление, в котором надлежало ехать, чтобы встретиться с судьбой и найти ответы на все вопросы. Позднее Конан не раз проклинал себя за доверчивость. Встретиться с судьбой? А нужно ли для этого куда-то ехать? Ответы на вопросы? А может, лучше и не знать всех ответов?

Но вначале он даже обрадовался — ехать предлагалось в направлении великих Карпашских гор — именно там, недалеко от разрушенного замка Кушуха, закопал Конан горшок с алмазами. Можно было откопать, наконец, клад и...

Однако местность странным образом изменилась. Потянулись серые равнины... Когда

что произошло? Конан безуспешно пытался вспомнить, когда же солнце скрылось за плотной пеленой туч, когда дорога превратилась в тропинку? И самое главное — когда исчезли холмы, которые уже начинали попадаться на пути? Наверное, он был слишком погружен в свои мысли... Не заметил перехода в этот странный, серый, безрадостный мир. Здесь даже воздух был иным — густым, вязким, липким. Казалось, с трудом входил он в легкие, оставляя после себя неприятный, горький привкус.

— Что это там, справа? — Хепат покрутил головой и указал налево.

— Совсем запутался со страху, — проворчал Конан и посмотрел в указанном направлении.

Что-то тускло блестело в сером свете невидимого солнца. Стоило повернуть и посмотреть — похоже, теперь им уже безразлично, в каком направлении ехать. На этой серой равнине нет дорог, а голос в кружке... Конану все чаще думалось, что это был самообман...

Каждую ночь, дождавшись, когда Хепат уснет, Конан прикладывал к уху проклятую кружку и подолгу вслушивался в тихий, равномерный шум. Завывания ветра, может быть, как говорят моряки, звуки моря... но никакого голоса... Самообман...

А гном вовсе не спал, только делал вид, чтобы не смущать друга и не мешать ему еще и еще раз попробовать получить указания относительно дальнейшего маршрута. А раз указаний больше не было...

Путешественники свернули, и через несколько мгновений им открылось усеянное мертвецами поле. Тускло, блестели мечи, сжимаемые мертвыми пальцами некогда могучих витязей. Неподвижные тела навеки застыли в позах, в которых их настигла смерть. Отрубленные головы, казалось, с укоризной смотрели с земли на подъехавших всадников. Из груди иных воинов торчали стрелы, другие погибли от меча или копья. Вокруг одного, чья рука не выпустила рукоять меча даже после смерти, вповалку, точно пьяные собутыльники, лежали шестеро противников. И только коварная стрела, выпущенная спрятавшимся где-то трусливым лучником, сумела оборвать жизнь храбреца, пронзив ему горло, — единственное место, не защищенное доспехами.

Жаркая битва кипела здесь, вероятно, не далее, как вчера. Тела воинов не успели подвергнуться разложению. Казалось, только свистни, наруши могильную тишину — и встанут воины, и продолжат кровавую сечу...

— С одной стороны явно бились наемники, — Конан указал на положившего шестерых недругов воина. — А вот с другой... Странная на них одежда... и мечи у некоторых...

— Точно, — свистящим шепотом воскликнул гном, — мечи у них, как у той твари — загнуты не назад, а вперед!

— Интересно, кто же победил? — Конан в задумчивости поскреб подбородок. — И кто хозяин этого сумрачного края?

Хепат поерзал в седле верблюда, покашлял и, наконец, сказал:

— Смеркается... Мне бы не хотелось ночевать рядом с мертвецами... Может, поедем дальше, пока совсем не стемнело?

— Придется тебе унять свой страх, — усмехнулся Конан. — Заночуем неподалеку, а утром посмотрим следы. И, может, нанесем визит победителям.

Хепат поежился.

— В этом мире... Ну, куда мы попали... здесь все не так... жутковато мне тут...

— Ничего, друг мой, придется потерпеть, выбора-то у нас все равно нет. Утром

посмотрим, куда приведут нас следы.

Отъехав от зловещего, усеянного трупами поля, друзья расседлали животных и сели ужинать.

— Мне что-то кусок в горло не идет, — жаловался гном, — жую-жую, а проглотить не могу... Будто кто-то сунул холодную, мертвую руку в горло и сжал в кулак...

— Да что с тобой?! — воскликнул Конан, — Опомнись! Мало ты видел мертвецов?!

— Не в мертвецах дело. Тут все не так. Это другая страна, другой мир... Жутко здесь.

— Ладно, давай спать, утром разберемся, — Конан привычно подложил под голову седло и завернулся в одеяло.

Хепат тоже лег, но сна не было. К чему-то прислушивался и сам себя ругал. Что тут можно услышать?! Только разве что воронье карканье... И вдруг он вспомнил — как раз ворон на поле и не было!

Вообще ни одной птицы. Более того — с тех пор, как потянулась эта серая равнина, птиц они не встречали. Мелкие зверьки — попадались. А птиц почему-то не было. Некоторое время Хепат размышлял об этом и незаметно стал погружаться в сон.

Во сне он стоял на краю поля и видел, как летят огромные стаи черных птиц, намереваясь попирать на трупах павших воинов. Кружатся, кричат, выпускают кривые когти. Затем вдруг, будто почувствав что-то неладное, резко взмывают вверх и торопливо улетают за горизонт.

«Будто почуяли засаду, — думает во сне Хепат. — Боятся, что схватят их мертвецы, сомнут жесткими, плохо сгибающимися, холодными пальцами... И станут вместе с перьями засовывать в рот... А они будут пищать... пронзительно и жалобно».

Резкий звук заставил проснуться. Хепат сел и прислушался. Стер пот со лба, успев удивиться, как же он так вспотел — ведь было довольно прохладно. Правда, как всегда — душно. Странное сочетание — прохлада и духота. Хепат сидел и слушал. Но ни единym звуком не нарушалась тревожная, чуткая тишина...

Немного успокоившись, гном снова лег, размышляя о том, почему же не проснулся Конан. Может, не было никакого звука? Может, это во сне?

И снова он стоял на краю поля. Только теперь шевелились трупы. Глухо ворчали, пытаясь поднять окровавленное оружие, тяжело поворачивали головы, стараясь увидеть мутными, потускневшими глазами противника. И с ужасом замечал гном, что некоторое воины уже смотрят прямо на него, и вспыхивают в мертвых глазах зловещие огоньки, и лязгают в гневе зубы:

«Зачем пришел ты смеяться над нашей бедой, над нашей смертью?!»

Со сдавленным криком вскинулся Хепат и уставился невидящим взором в темноту. Все никак не мог проснуться, все метилось ему, что таращатся на него мертвецы и скрежещут зубами, хотя дотянутся до него холодными руками, ухватить скрюченными пальцами...

И вновь какой-то звук раздался в ночи. Только на сей раз не короткий, а тягучий, заунывный, как вой одинокого волка. Оцепенев, слушал Хепат, последний гном из клана Вармина, этот странный и страшный вой, плывущий в ночи над полем, усеянным мертвецами.

На сей раз проснулся и Конан. Сел, прислушиваясь и качая головой.

— Это шакал пришел пировать... Нужно его отогнать, иначе их набежит целая стая, и мы больше не уснем.

Молча, в каком-то оцепенении наблюдал Хепат, как киммериец поднялся, опоясался

мечом и скользнул в темноту, растворился, будто и не было его, будто сидел тут Хепат всю жизнь один, сидел и слушал тосклиwyй, наводящий ужас вой.

— Шакал?! — прошептал он. — Нет... это не шакал воет... не шакал...

Словно замерзший, сидел Хепат, прислушиваясь к малейшему шороху. Скоро он перестал чувствовать свое тело. Затекло, онемело, исчезло — остался один разум... А тело, может быть, лежит на поле, рядом с другими...

Нет, нет, просто слишком долго сидел он в одной позе, замерев, как мертвец. Словно и сам превратился в мертвеца... И показалось, что действительно лежит он на поле, среди других трупов, уже тронутых разложением, вдыхает смрадный воздух, шарит глазами, не в силах повернуть голову... Но и глаза его не видят ничего, кроме серой, мертвеннной пелены, только какое-то странное шевеление вокруг, будто ползет кто-то, скребет землю скрюченными пальцами...

Огромным усилием Хепат заставил себя пошевелиться. С трудом встал на ноги, сделал несколько движений, чтобы размяться, походил вокруг мирно пасшихся животных. Где же Конан? Как долго он ходит там — ищет шакала? Ему давно пора бы вернуться...

А Конан, неслышно ступая, обходил поле битвы, стараясь разглядеть при тусклом свете спрятавшейся за неизменными тучами луны, хоть какое-то движение. Шакал должен быть где-то там, он не может сидеть неподвижно, он должен пожирать добычу, отрывать куски плоти, довольно урчать, давиться... Какая-то возня должна быть среди трупов... Шакал не может быть неподвижным, как те... чьим мясом он думает полакомиться...

Что-то шелохнулось на расстоянии в два человеческих роста. Конан остановился, пристально вглядываясь. Шакал? Нет, вероятно, показалось... По-прежнему никакого движения. Ни малейшего шороха... И луна, как назло, совсем скрылась за темными тучами.

Конан присел и замер. Если это шакал, то он рано или поздно выдаст себя. Он не сможет, затаившись, сидеть рядом с такими лакомыми кусками... Обязательно схватит, будет рвать...

Тишина над полем... Конан сидел неподвижно, сидел, затаившись, шакал. Ничто не тревожило вечный сон павших воинов. Разве только... Вот! Конан услышал звук. Кажется, будто кто-то ползет. Шуршит, подползая... Очень осторожно пробирается между трупов, но чуткое ухо киммерийца улавливало малейшие шорохи.

Конан покрутил головой, пытаясь определить, откуда доносится шорох. Странное дело — он услышал еще один подобный звук, потом еще и еще. С разных сторон поля доносился до него шорох подползающих тел. Даже послышался звон оружия. Упал и покатился чей-то шлем... Это уже не шакалы...

Конан неслышно поднялся и отошел на несколько шагов. Колдовской морок? Или просто воображение разыгралось?

Луна показалась, наконец, в просвете между двумя тяжелыми тучами. Не выглянула — только чуть лучше осветила поле, оставаясь все так же скрытой за вечной пеленой серых облаков. Но все же стало чуть светлее.

Конан всмотрелся и почувствовал, как волосы у него встают дыбом — все поле шевелилось. Мертвецы, подтягиваясь на окоченевших руках, лезли прямо к нему. Теперь в этом не было сомнений — трупы, оживленные какой-то непонятной силой, шевелились. И ветерок донес запах тления: мертвецы все же начали разлагаться... Удушливый, сладковатый запах гнили чувствовался все явственней.

Луна тотчас скрылась за тучами, будто кукольник, решивший показавший только одну

сценку и поспешил задернуть шторы. Почти полная темнота окутала поле. Но звуки доносились по-прежнему четко. Вот кто-то натужно застонал, кто-то, будто заскрипел зубами... Что-то круглое покатилось и остановилось у самых ног киммерийца. Кром! Отрубленная голова!

Конан нагнулся и в неверном свете разглядел тусклый взор мертвых, но в то же время непостижимым образом живых глаз.

Чувствуя, как струйки холодного пота стекают по спине, Конан смотрел в эти глаза, не в силах отвернуться. Кто, во имя богов, кто смотрит сейчас на него этими мертвыми глазами?!

Губы головы затрепетали, и послышался хриплый шепот:

— Ты должен... служить мне... ты видишь мое могущество... по моему знаку мертвецы разорвут тебя в клочья... ты уже окружен... ты должен служить мне...

Пытаясь сохранить спокойствие, Конан оглянулся. Вокруг — шевелящиеся покойники. Пожалуй, можно попытаться проскочить, отмахиваясь мечом...

— Я дам тебе все: богатство, славу, самых красивых женщин, ты будешь жить во дворце...

— А что взамен? — Конан пытался говорить спокойно и равнодушно, хотя, как всегда при столкновении с колдовством, в нем поднимался инстинктивный страх.

— Служба мне... верная служба! Скажи, что бы ты хотел иметь в этой жизни?

Несмотря на весь ужас и нелепость ситуации, Конан задумался. Действительно, чего бы он хотел? Вот так — сразу. По волшебству. Богатства? Конечно... Но богатство нужно завоевать — так он считал. Только в этом случае оно доставит радость. А получить его просто так? Впрочем, не просто так — за службу некоему демону... или богу? Что еще? Любовь? Но любовь у него уже была... И еще будет...

— Я могу дать тебе мощь! Ты будешь обладать не просто физической силой, но несокрушимой мощью демона! Ты сможешь покорять, подчинять себе людские сердца и души! Ты сможешь летать в небесах, подобно легкому облаку, проходить сквозь стены, жить под водой, превращаться в любых животных! Твоя сила будет безгранична!

— Но я не буду свободен! Я буду служить тебе, выполнять твои приказы, какими бы они ни были!

— Да, это так.

— Скажи, прежде всего, кто ты?

— Я хозяин этого мира. Это я подарил тебе кружку. Это я привел тебя сюда. Я великий Аскеледон! Один из семи демонов, властствующих над миром!

Чувства Конана обострились до предела. Он слышал шуршание мышей в поле, он слышал даже дыхание зловредного, затаившегося шакала, которого так и не удалось прогнать с поля. Киммериец каким-то образом ощущал тяжелую неподвижность мертвецов, и их готовность броситься на него — живого человека. Он чувствовал, как напряжены его мышцы. Мышцы просили действия — рубить, бежать, двигаться, уворачиваться от вражеских клинков...

Но... приходилось беседовать, торговаться с демоном!

— Миром правят семь демонов? А как же боги?

— Боги заняты своими делами... Им нет дела до смертных...

Конан усомнился, но решил промолчать. Спорить с демоном сейчас не стоило. Гораздо важнее выяснить его намерения.

— Но ты хотел меня убить! Послал ящерицу...

— Ты ведь легко одолел ее в поединке, правда? Я просто хотел тебя заинтересовать. Чтобы ты отправился в это путешествие и пришел сюда.

— Но почему именно я? — Конан старался протянуть время до момента, когда луна вновь хотя бы на миг выглядит из-за туч. Тогда можно будет попытаться бежать...

— Почему ты? Ты — славный воин, герой своей эпохи... А герои должны служить мне! Луна, наконец, одной половиной показалась в рваном проеме туч.

— Не спеши убегать, Конан, — произнес демон. — Ты можешь уйти совершенно спокойно, мертвцы тебя не тронут... Пока не тронут. Завтра приходи ко мне с ответом. Дорогу найдешь.

Ощущая полную нереальность происходящего, Конан смотрел, как голова откатилась и замерла возле тела, посреди широких плеч которого чернела кровавая рана.

Осторожно переступая через неподвижные тела, Конан направился к месту ночлега. Странные дела творятся в этой серой стране...

* * *

— Конан, мы едем уже третий день, а замок так и не приблизился... странно, — Хепат кивнул на закрывающий панораму огромный, сверкающий замок.

Собственно, на замок это прозрачное сооружение походило мало. Скорее, на дворец — построенный из прозрачного, искрящегося камня, гордо вознесшийся под самые небеса и указывающий многочисленными шпилями на невидимые за облаками звезды. Строения такой величины Конану видеть не приходилось. Разве только колонны древних развалин могли поспорить с этим сверкающим великолепием.

— Приблизился, — ответил Конан, помолчав, — просто он очень большой, кажется, будто рядом... а до него еще ехать, да ехать...

— Из чего же он построен? — не унимался гном. — Сверкает так, будто это искусно отшлифованный алмаз!

— Может, и алмаз, — проворчал Конан.

Друзья умерили бег уставших животных. Хоть рысью, хоть шагом... Дворец по-прежнему оставался еще очень далеко.

— Конан, а ты не спросил у головы, что это за страна, и как нам отсюда выбраться?

— Да не у головы... а у демона... Нет, не спросил, он бы все равно не сказал, — киммериец сердито глянул на любопытного гнома. — Он заставляет меня поступить к нему на службу! А ты... «как выбраться?»...

Хепат поджал губы и умолк. Конан тоже молчал. Пытался представить, что скажет этому демону, хозяину страны — Аскеледону. Перехитрить его вряд ли удастся. Впрямую отказаться? Тогда, скорее всего, — смерть. А если и нет — не выбраться из серой страны...

— А ты заметил, Конан, что дворец возник как-то внезапно — не было его, и вдруг из марева встает такая громада... — Хепат был явно расположен поговорить.

— Заметил, все заметил... Заметил, что хозяин страны — могущественный демон....

— А как же боги?

— Что — боги?

— Миром правят семь демонов? А боги?

— Это он так говорит, что семь демонов... Как на самом деле — неизвестно. Я думаю,

он преувеличивает...

— Ну, тогда, может, нам попросить помощи у богов?

Конан задумался. Пожалуй, это мысль... Вот только Кром — точно не будет помогать. Он дал воину все, что нужно, еще при рождении — силу, мужество, находчивость. Дал — и забыл о мальчике, которому суждено стать мужчиной, стариком, потом умереть.

Как киммериец распорядится своей жизнью и дарами Крома — дело самого киммерийца. Суровому богу северян-горцев нет до этого никакого дела... А другие божества... К кому обратиться? К Митре? Нужно подумать...

Подняв голову, Конан увидел, что путь преграждает еле заметная прозрачная стена.

— Все-таки приехали, — он усмехнулся, — а ты говорил...

Хепат, раскрыв рот и запрокинув голову, пытался разглядеть вершину замка. Насколько хватало глаз, все тянулась вверх сверкающая стена. Серые тучи мягко обволакивали ее, будто заботливо укрывая пуховым одеялом.

— Будем искать вход, — вздохнул Конан, подумав, что он ведь так и не решил, что ответить демону. Самое разумное будет, пожалуй, согласиться — пока... для виду... а там, по возвращении в родной мир, обратиться за помощью к богам... Хотя бы для начала поговорить с волшебниками...

— Вот он, вход, — радостно возвестил Хепат, будто они приехали не в логово демона, а на ярмарку, где будет бесплатное угощение.

Высокий пандус, широкие, гостеприимно распахнутые ворота, сделанные из этого же сверкающего минерала...

Друзья спешились. Конан невольно вздрогнул, когда к ним, откуда ни возьмись, резво подбежали чешуйчатые слуги и с поклонами увели лошадь и верблюдов. Другие ящерицы, выстроившись вдоль прозрачной стены, очевидно, указывали дорогу.

— Такие же твари, как та, в харчевне... — прошептал гном, крутя головой.

— Естественно... Но ему служат и люди — ведь на поле битвы ящериц не было.

Люди не замедлили появиться. Огромные, мускулистые негры стояли рядами, скрестив руки на груди. На поясе у каждого висел увесистый ятаган. Конан, нахмурившись, неторопливо шагал вдоль шеренги полуобнаженных чернокожих воинов.

Коридор казался бесконечным. Негров сменили смуглые южане, черноволосые, черноглазые и, наверное, быстрые в движениях. Сейчас они неподвижно замерли, провожая спутников горящими глазами. Южане были вооружены легкими кривыми саблями и большими, изогнутыми кинжалами.

По мере приближения Конана, слуги демона молча слегка склоняли головы в знак приветствия...

Хепат шел немного позади, как и полагается оруженосцу. Ему очень понравилось это слово, услышанное недавно в одной из харчевен Шадизара. «Оруженосец»! Верный помощник воина, друг, который носит оружие и подает нужное по мере надобности.

Свое оружие, Конан, правда, носил сам, но разве в этом дело?! Все равно, он, Хепат — последний из клана славного Вармина — оруженосец великого воина, прославленного во всех цивилизованных, да и варварских странах.

Бесконечный коридор все тянулся. Все также стояли вдоль стен воины. Так же слегка склоняли головы, приветствуя проходящих. Конан пытался разглядеть, что там, за прозрачными стенами... Но перспектива искалась, виделись бесконечные отражения шеренги воинов, дальше переливы радуги, сверкания граней...

Наконец коридор закончился, и друзья вошли в тронный зал — огромное помещение с почти невидимыми стенами и сводами. Блики света порхали вокруг, подобно бабочкам. Казалось, сам воздух искрылся, и блистал, и слепил глаза. Вдоль далеких стен все так же маячили воины. Все те же смуглые южане с кривыми саблями.

«Почему это я решил, что они южане? — мельком подумал Конан. — Потому, что смуглые?»

Сделав еще несколько шагов, друзья остановились у подножия трона. Высокое, резное, сияющее невероятным светом, огромное кресло и... странное существо на нем. Человеческое тело и голова ящерицы. Или змеи. Тело, в принципе, тоже не совсем человеческое. При внимательном рассмотрении Конан отметил непропорционально огромные руки со страшными, перевитыми венами, мышцами, длинные когти на пальцах рук и ног... Существо не имело одежды, за исключением набедренной повязки, и можно было видеть его короткие, кривые, как у пещерного медведя, ноги. Голова ящерицы была довольно изящной, по сравнению с телом, и Конан заметил, что глаза у демона вовсе не злые, как можно было ожидать. Скорее, в них сквозили холода, равнодушие к смертным и глубокое, потаенное знание.

Странно, но, глядя на демона, Конан не испытывал страха. Там, на поле мертвецов, было страшно по-настоящему... А здесь, в веселом, наполненном бликами света дворце, не нашлось места страху.

— Это один из моих любимых обличий, — гулко, с присвистом произнес демон. — Вообще-то я могу принять любое обличие... Так что ты решил, Конан?

Неожиданно для себя и других Хепат вывернулся из-за спины друга и пропищал:

— Мы есть хотим! Ты бы накормил гостей, потом спрашивал!

На долгий миг повисла напряженная тишина. Затем демон рассмеялся:

— С таким оруженосцем не пропадешь!

Аскеледон чуть повернул голову, и по залу заскользили прозрачные столы, установленные яствами. Конан вспомнил, как катался в детстве с ледяных гор... Вот так же он скользил, быстрее и быстрее, и ветер радостно пощипывал его раскрасневшееся лицо...

Но здесь был не лед... Камень... Прозрачный минерал...

— Из какого камня построен твой дворец?

— Ты еще не догадался? — демон фыркнул, — Это бриллиант! Хорошо отшлифованный бриллиант.

Аскеледон протянул вперед когтистую лапу. На толстом, волосатом пальце его сверкал камень невероятной величины.

— Мы тут, внутри этого камня. Я постоянно ношу свой дом с собой.

— Но... разве такое возможно? — Конан, не смотря на все чудеса последнего времени, был совершенно сбит с толку.

— Это возможно для тех, кто обладает силой! Если ты будешь служить мне, я дам тебе силу почти равную моей!

— Все же — «почти», — вновь пропищал Хепат, подняв палец. — «Почти»!

«Почему у него стал такой тонкий голос?» — удивился Конан, а вслух сказал:

— Уймись!

Демон щелкнул пальцами, и гном вдруг жалобно замычал. Он силился и не мог открыть рот. Пытаясь пальцами разомкнуть губы, Хепат жалобно смотрел на друга.

— Но как же он сможет отведать твоё угощение? — со смехом вопросил Конан. —

Слишком жестоко показать ему вино и не дать попробовать!

— Хорошо, но пусть пообещает молчать! — Аскеледон вновь щелкнул пальцами, а Хепат торопливо закивал, показывая, что готов молчать.

И действительно, на протяжении всего обеда гном не промолвил ни слова, что было и неудивительно — такого изобилия яств он не видел никогда. Разве что во дворце демона Уробаха...

Сколько изящных кувшинов с превосходным вином опустошили друзья, не ведал даже Аскеледон. Вначале он, задумавшись, неподвижно восседал на троне, ожидая, когда гости насытятся. Но поскольку во время похода рацион друзей был весьма скромным, процесс насыщения сильно затянулся. Хотелось попробовать каждое блюдо, отведать вина из каждого кувшина...

В очередной раз, мельком взглянув на трон, Конан заметил, что демон исчез. Очевидно, улетел по делам, устав от бесплодного ожидания. Хепат, который теперь мог говорить, не опасаясь, что ему вторично заклеят рот, тем не менее, оставался молчаливым, и только челюсти его двигались с неимоверной быстротой. Особенно нравилось ему нежное копченое мясо, превосходившее вкусом все, что он когда-либо пробовал. Немного смущала неопределенность — из какого животного приготовлено это дивное блюдо? Кто знает, может, демон готовит окорока из провинившихся рабов?

Конан же налегал на вино и фрукты. Такого вина он не пил никогда... Вот, разве что — у демона Уробаха...

Когда, наконец, Аскеледон появился на троне, он застал друзей в состоянии безмятежного блаженства. Посему не представлялось возможным понять, согласен или не согласен Конан служить ему, хозяину серой страны, одному из семи великих демонов, управляющих миром.

Серьезный разговор пришлось перенести на завтра. В зале появились прекрасные полуобнаженные рабыни, которые и увезли Конана и Хепата в опочивальни. Сидя на троне, Аскеледон нетерпеливо и задумчиво барабанил когтями по алмазному подлокотнику. Ну, что ж, завтра так завтра...

Проснувшись утром, Конан с удивлением обнаружил, что голова его совершенно чиста — никакой тяжести! Вот только в носу немного свербит... Самочувствие в целом отменное — будто и не сидел он вчера за роскошным столом, не пил в неимоверных количествах вино. Да, у демона Аскеледона превосходное вино — тонкое, игристое и совершенно лишенное примесей, образующихся в результате неумелого сбраживания, от которых наутро так болит голова. Виноделы демона знают свое дело...

Не открывая глаз, Конан улыбнулся, вспомнив, как ублажали его две молодые рабыни, какими изысканными ласками награждали, как тонко, как умело возбуждали его после каждой разрядки...

Удовлетворенно вздохнув, он опять почувствовал что-то неладное с носом... Запах... Да, запах смерти, запах трупа... Уже зная, что он увидит, киммериец открыл глаза. Рядом с ним по обе стороны лежали два хорошо разложившихся трупа. Кожа давно слезла со вздувшихся, покерневших лиц, а в пустых глазницах копошились черви. Зловонная жидкость, образующаяся при гниении трупа, насквозь пропитала белоснежную простынь, и Конан обнаружил, что лежит в луже. Невольно вскрикнув и отбросив обнимавшую его руку — с гнилой, отстающей от кости плотью — он вскочил с мокрой постели, и только найдя глазами меч, немного успокоился.

— Ну что ж, Аскеледон, твоя шутка достойна демона.

Оторвав от простины чистый лоскут, он вытерся, затем оделся, опоясался мечом... и замер.

Позади раздался хриплый голос. Одна из мертвых женщин, призываю протягивая костяные руки, шептала нежные слова — те самые, которые вчера произносили ее нежные губы. С ужасом и отвращением смотрел Конан, как ласковые речи натужно падают со вздувшихся, почерневших губ.

Второй мертвец также зашевелился. Силился что-то произнести, но гниющий язык вывалился изо рта, и Конан поразился его длине. Люди ли они — эти красавицы-рабыни? Точнее, были ли они людьми? Может, это некие твари, созданные волей демона?

Не оглядываясь, Конан направился в тронный зал. Аскеледон сидел на троне, будто не сходил с него со вчерашнего дня.

— Ну, как тебе мои красавицы, Конан? Доволен ли ты их ласками? — На сей раз, голос демона струился, подобно освежающему потоку горного ручья.

— Доволен, — спокойно отозвался Конан, — только разбудили они меня слишком рано.

В зал вошел шатающийся Хепат. Судя по его вытаращенным глазам и ошелому виду, с ним произошло тоже самое.

— А вот и наш любезный гном, — на змеиной физиономии демона появилось подобие улыбки, — и его тоже разбудили раньше времени!

Хепат хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле. Возможно, от негодования, но не исключено, что он вспомнил вчерашнее предупреждение демона.

Гном молча плюхнулся в жесткое прозрачное кресло и молча покачал головой.

— Так что же ты ответишь, Конан? Я еще раз предлагаю тебе службу. Откажешься — и мертвецы всех миров будут вечно преследовать тебя! Где бы ты ни находился, они будут вылезать из могил и стремиться убить тебя, разорвать в клочья, и клочья эти — клочья твоей прекрасной плоти — сжевать, сожрать, а затем обгладать твои кости...

— А если я соглашусь? — перебил Конан.

— А если согласишься — получишь такую мощь, о которой даже не мечтал ни один смертный. Я тебе уже говорил: ты сможешь летать, как птица, силой мысли подчинять себе целые народы, мгновенно перемещаться из одного мира в другой, ты сможешь...

— Я согласен! — громко сказал Конан, вновь невежливо перебив демона. — Я согласен, дай же мне силу!

Аскеледон осекся и посмотрел на киммерийца внимательным, пронизывающим взглядом.

— Не так сразу! Ты должен понимать, что силу — этот необычайный дар — нужно заслужить! Следует выполнить хотя бы первое задание, тогда ты получишь часть силы — для выполнения следующего задания...

— А для выполнения первого задания мне сила не требуется? — с некоторой насмешкой спросил Конан.

— Для выполнения первого задания вполне хватит той силы, что дал тебе твой Кром! Теперь слушай. Вот что ты должен сделать...

Снова серая, выжженная степь, снова над головой тяжелые тучи, к которым друзья уже успели привыкнуть.

Солнце все также стыдливо прячется за пеленой, но, несмотря на это, пот заливает путникам воспаленные от зноя глаза.

— Конан, ты заметил, когда исчез дворец? Мы отъехали совсем немного, а его уже нет... — Хепат озабоченно покрутил головой.

— Что? — Последние несколько колоколов Конан пребывал в мрачной задумчивости. — Нет, и я не заметил...

— Ты действительно хочешь выполнить приказ демона? — не унимался Хепат, пытаясь отвлечь друга от тягостных мыслей.

— Если выполнить один приказ — тут же последует другой, третий... Нет, нужно что-то придумать...

Некоторое время друзья ехали молча. Затем Хепат стал вполголоса напевать старую песню гномов. Длинную, навевающую самые разные чувства. Иногда — неизбывную грусть, иногда — судорожное веселье, в чем-то похожее на отчаяние окруженного врагами воина, решившего дорого продать свою жизнь.

Конан много раз слышал эту необычную песню и полюбил ее мелодию. Однажды он попросил друга рассказать, о чем в ней поется, и Хепат долго и вдохновенно переводил текст песни с языка гномов на язык людей. В ней говорилось о великой подземной стране, расположенной под огромной, одинокой горой, о сверкающих самоцветах, украшающих тронный зал мудрого правителя, о нелегком труде копателей, о великих мастерах, умеющих изготовить оружие, равного которому не было в мире...

Слушая бесконечную песню, Конан задремал. Почувствовав некоторую вялость седока, конь перешел на неторопливый шаг, а затем и вовсе остановился.

Конан спал, уронив голову на грудь.

Хепат давно закончил петь и с тревогой смотрел на друга. Что за странный сон? Но гном знал — почему-то он очень хорошо знал — прерывать этот неурочный сон сейчас нельзя...

* * *

Лицо Итилии расплывалось, как в тумане. Она что-то говорила, во всяком случае, губы ее шевелились. Конан напрягал слух, но ничего не мог разобрать.

«... доверяй демону...», — донесся обрывок фразы. Вероятно, она хотела сказать «не доверяй демону».

А, может, наоборот? «Полностью доверяй демону»? А можно ли демонам верить? Держат ли они свое слово?

Писклявый голос Хепата заскрипел в ухо:

«Демоны не боги... не боги...».

Почему вдруг он стал так пищать? Со страху?

Из-за камня опять вышел пещерный лев. Придется убить его еще раз, потом еще, и еще, и так — до бесконечности... Это все задания демона... И с каждым разом отказаться будет все труднее... А сила? Конан вдруг почувствовал, как в него вливается мощь. Теперь он может многое. А меч в руке горит пламенем. О, да! Теперь меч его стал огненным! Он в

состоянии отныне не только рассекать плоть, но и плавить камни, поджигать воздух, разрубать звезды...

Итилия что-то говорит... Показывает на восток... Из темноты выступает смуглое лицо... Добрые, но отстраненные карие глаза... Митра! Итилия советует... Обратиться... Хепат... Почему ты прекратил петь?

* * *

Конан вздрогнул и поднял голову. Недоуменно глянул в глаза другу, заметил его беспокойство...

— Все в порядке! Похоже, Итилия дала мне знак... Она советует обратиться к Митре.

Хепат невольно посмотрел на солнце! Митра, податель жизни... Захочет ли он помочь двум бродягам? Может быть, боги действительно заняты исключительно своими делами и миром управляют демоны?

Друзья вновь пустили животных рысью, и скоро Конан указал на темное пятно, появившиеся на горизонте:

— Вот они!

Подъехав ближе, друзья увидели две небольшие армии, стоящие друг против друга. Одна почти сплошь состояла из наемников, за исключением небольшой личной охраны командира, вторая же была весьма разнородной. Конан заметил огромных негров из алмазного дворца, смуглых южан с легкими саблями и даже безобразных ящериц — верных слуг Аскеледона. Очевидно, демону пришлось подготовить к бою все резервы.

Суровые наемники, построились клином и подготовились к атаке. Конан невольно залюбовался этими бывальми воинами, профессиональными убийцами, воюющими под знаменем того, кто хорошо заплатит. Да, этот клин войдет во вражескую армию, как нож в масло, и ничто в мире не способно будет его остановить... Почти ничто.

— Кажется, это и есть твое задание? — Хепат посмотрел на отделившуюся от армии демона группу всадников, направляющуюся к ним.

— Да, наемники уже выставили поединщика...

Хепат в который раз удивился тому, что не помнит задания, данного Аскеледоном его другу, хотя присутствовал при разговоре.

Теперь все становилось на свои места — Конан должен выступить поединщиком за армию демона. Очевидно, воюющие стороны не могут и не хотят больше терять своих людей. Проще решить дело по старинному обычаю, который, в принципе, давно уже никем не соблюдается. Но если правители дадут слово...

Группа людей — все смуглые южане — подъехала ближе.

— Я приветствую тебя, Конан, — церемонно произнес один из них, судя по дорогим доспехам и сверкающей самоцветами сабле, командир армии демона.

Киммериец неучтиво промолчал, мрачно глядя на чопорного, гарцующего на белом коне командира.

— Аскеледон очень рад, что ты будешь сражаться за него, — продолжал южанин как ни в чем не бывало. — Он уверен в твоей, а, значит, и нашей победе! А теперь — поспеши, противник ждет!

«Похоже, нет шанса избежать поединка», — думал Конан, спешиваясь, ибо биться

предстояло пешим. Воля демона привела его сюда.

Он с горечью вспомнил, как пытался несколько раз повернуть на юг, но после нескольких минут пути, оказывалось, что они вновь едут на север. Хепату он ничего не рассказывал — незачем зря пугать друга. Да и что это могло изменить? И вот теперь он должен выполнить задание или умереть. Ах, Итилия! Возможно, ты опоздала с советом!

Хепат потянул Конана за палец.

— Ничего, это задание придется выполнить... Деваться некуда! Но дальше... Мы отыщем ближайший храм Митры, и он нам поможет! Обязательно поможет!

Хепат не сомневался в победе друга, хотя, взглянув на воина, которого выставили наемники, почесал затылок. Перед строем высился огромный детина самого мрачного вида. Шрамов на лице у него было не меньше, чем у Конана, и меч, который он держал в толстой, как бревно, руке, был никак не короче меча его друга.

Дальше произошло то, чего никто не ожидал. Наемник, улыбаясь, медленно положил меч, снял кольчугу, мягкую кожаную рубашку-подкольчужник, затем нижнюю, заскорузлую от пота рубаху и остался по пояс обнаженным. Сделал несколько разминочных движений, и по рядам наемников пронесся гул одобрения. Огромные мышцы на покрытом шрамами теле богатыря действительно выглядели впечатляюще. Они вздувались буграми и обвивали тело, как толстые лианы обвивают дерево в джунглях. То была грубая, неодухотворенная, все сметающая на пути сила. Сверкающий злобным торжеством мрачный взгляд из-под низкого лба, дополнял впечатление свирепости и несокрушимости воина, которого выставили наемники. Взяв меч в правую руку, он высоко вскинул ее, и остро отточенная, полированная сталь засверкала на солнце. Глядя на Конана свирепым взглядом, наемник зарычал, будто потревоженный медведь. Затем громче. Еще громче. Теперь рычанию вторили его товарищи

Наемник издал громкий, хриплый рык — тысяча глоток повторила его. Полубнаженный воин задрожал от ярости и заревел так, что казалось, содрогнулись небеса. Тотчас ему ответил ревом армия, и тут уж небеса действительно задрожали. По полу прошел ветер, взметнулась пыль, закрутились небольшие смерчи.

Теперь даже Хепат усомнился в победе друга. Казалось, одолеть такого зверя невозможно.

Конан, между тем, вел себя на удивление спокойно. Он знал этот наемнический ритуал — церемонию подготовки к бою. Изменить свое сознание, почувствовать себя зверем, непобедимым зверем-убийцей, бесстрашным и беспощадным! Это был один из способов достигнуть состояния берсерка. Киммериец им не пользовался, предпочитая более короткие и действенные пути.

Усмехнувшись, также снял доспех и обнажил торс, и хотя он обладал мускулатурой не менее впечатляющей, все же по сравнению с гигантом выглядел, как молодой кузнец-молотобоец рядом со старым, огромным, немного ожиревшим, но гораздо более сильным и опытным хозяином кузницы.

Хепат часто видел таких кузнецов — больших, как горы, со вздувшимися, мокрыми от пота мышцами, без устали ударяющих молотом по наковалье. Казалось, эти люди имеют не одно, а два сердца. Часами, без отдыха они работали неподъемным для простого смертного молотом, выковывая мечи, уплотняя сталь бесчисленными ударами до тех пор, пока не скажет старишок-мастер «хватит», не махнет рукой, останавливая разошедшегося молотобойца.

Примерно таким «молотобойцем» и был наемник, рыком доводивший себя до

исступления. А Конан выглядел, скорее, сильным, очень сильным, ловким, быстрым, но все же юношей, только недавно познакомившимся с кузнецким делом.

Хепат тряхнул головой, прогоняя эти, как ему показалось, неуместные мысли о кузнецах. Перед ним были воины. Мощные, опытные, давно потерявшие счет убитым противникам...

«Рассвирепевший гигант вряд ли будет в схватке таким быстрым, как Конан, — размышлял гном. — Наверняка он привык полагаться на грубую силу и огромный тяжелый меч».

Хепат сравнил мечи — тот, которым потрясал наемник, и тот, что держал в руках Конан, — с широким, вороненым лезвием. Да, мечи были достойны своих хозяев! По размеру и весу, пожалуй, одинаковы...

Гном дрожал мелкой дрожью и ничего не мог с собой поделать. Его возбуждение было так велико, что еще немного — и он с криком бросится в бой, нападет на этого громилу-наемника, вонзит в его необъятную грудь кинжал!

Да, грудь, плечи у верзилы были такой ширины, что хватило бы на двоих, а то и на четверых человек. Хепат с тревогой глянул на Конана. Вообще-то у киммерийца, если взглянуться, плечи не уже... никак не уже. Просто он более гибкий и, пожалуй, немного ниже противника, поэтому кажется по сравнению с ним, чуть ли не юношей. Гном покрутил бородавку на носу. Трудно придется Конану...

Вышли вперед секунданты — от обеих армий по два человека. Вполголоса еще раз обговорили условия поединка. Отошли в сторону и дали сигнал. Гулко пропел рог. Противники заняли позиции друг против друга.

Наемник, продолжая хрюплю рычать и держа меч одной рукой, стал выписывать восьмерки, осторожно, каждый раз на полшага, продвигаясь вперед. Конан замер, как статуя, удерживая меч двумя руками и направив его на врага.

Наемник внезапно сделал длинный шаг вперед — скользящий, неожиданный — и, пользуясь инерцией своего огромного тела, обрушил меч на Конана. Это был его излюбленный прием — никто не мог выстоять... никто! Каким бы щитом ни закрывался противник, какой бы клинок ни подставил под удар — ничто не могло задержать стремительного продвижения разящей стали! Как правило, противник оказывался разрубленным надвое вместе со щитом и кольчугой!

Но на сей раз что-то не сработало. Конан скользнул чуть вбок и встречным ударом едва не выбил оружие из руки противника. То был один из любимых приемов Конана. Встречный и немного сбоку удар — и меч врага обычно ломался, как игрушечный. Однако прием киммерийца также не достиг цели.

Противники отступили, с некоторым удивлением глядя друг на друга. На губах наемника выступила pena, но глаза его были вполне разумны — он просчитывал следующий ход.

Искусственно раздутая ярость не мешала ему оценивать противника и действовать расчетливо и обдуманно.

Конан также обдумывал ситуацию. Похоже, теперь этот гигант попытается взять натиском. Его коронный трюк не достиг цели... Он попробует серию непрерывных ударов, надеясь на свою выносливость...

Так и произошло. Наемник с рычанием бросился в атаку. Его меч превратился в сверкающее облако. На Конана обрушился такой град мощных ударов, что спасал киммерийца только звериный варварский инстинкт. Глаз не мог уследить за движениями

клиника и, тем не менее, каждый удар был отражен, каждая атака отбита.

Некоторое время слышались только лязг стали и рычание наемника. Выдержать такой темп обычный воин не мог. Но бились не обычные люди — каждый из них стоил в бою нескольких десятков. Конану даже жаль было убивать такого богатыря. В победе он не сомневался — знал, что еще немного — и наемник выдохнется, несмотря на свою силу и выносливость. Его удары уже стали слабее...

Солнце склонялось к горизонту, а воины все рубились в прежнем темпе. Казалось, это демоны войны — равные по силе и опыту — сошлись в жаркой, смертельной схватке. Но Конан чувствовал, что противник устает. В этот момент главное — не пропустить удар... Пусть еще выложится... А потом настанет время контратаки.

Рычание наемника стало слабее. И, пожалуй, в нем появились жалобные нотки. Время пришло! Издав боевой клич, Конан бросился в атаку.

Такой быстроты, такого натиска от утомленного человека наемник не ожидал. Он теперь думал только о защите. И чувствовал, что долго не продержится. С отчаянием в глазах, отступая с каждым шагом, он приближался к шеренге своих сотоварищей, и они с тревогой и изумлением следили, как добивают их лучшего бойца. Как ловко, в каком темпе работает мечом этот странный варвар, почему-то вызвавшийся сражаться за проклятого демона, который опустошил эту некогда прекрасную страну!

Конан не ослаблял темп, хотя и сам уже изрядно устал, но теперь, как никогда важно было не дать отдыха противнику, дожать, добить...

Меч выпал из усталых рук наемника. Пытаясь поднять его — ежесекундно ожидая последнего, смертельного удара — уставший воин упал на колени, и руки его попытались обхватить рукоять своего, такого привычного и родного оружия. Пальцы не слушались, не гнулись, соскальзывали с рукоятки.

И заплакал от бессилия воин. Опустил голову, признавая поражение, приглашая противника нанести последний удар...

Замер Конан с поднятым мечом. Замерли обе армии. Стих ветерок. Остановили свой бег тучи. Остановилось солнце, желая посмотреть, чем кончится поединок... И в тишине раздался тонкий голос Хепата:

— Не убивай его, Конан...

Уставший киммериец опустил меч, воткнул его в землю и помог подняться с колен противнику, по лицу которого текли слезы бессилия.

И наемники — эти суровые убийцы, не знающие жалости, но знающие, что такое воинская честь — все, как один, подняли зазубренные, побывавшие не в одном сражении мечи, и издали приветственный крик, чествуя великодушного победителя.

— Почему же ты выступаешь на стороне демона? — слабым голосом спросил побежденный наемник, которого поддерживали под руки его товарищи.

— Это временно, друг... временно.

Окруженный личной охраной, подошел правитель страны — Конан поймал себя на мысли, что даже не знает, в каком мире, в какой стране он оказался...

Правитель, немолодой грузный человек с седыми висками и уставшим взглядом, сухо произнес:

— В соответствии с договоренностями мы уходим.

Потом грустно посмотрел на Конана и проговорил ту же фразу:

— Почему ты на стороне демона?

Конан, блестящий от пота, сверкавшего в лучах закатного солнца, оперся на меч и тихо, но твердо ответил:

— Он меня вынудил... Но скоро я найду способ разделаться с ним!

Что-то блеснуло в усталых глазах правителя и, уже собираясь уходить, он прошептал:

— Моя армия в твоем распоряжении... Мы будем ждать...

* * *

С армией-победительницей, ни один из воинов которой на сей раз даже не взмахнул мечом, Конан вернулся в алмазный замок. Опять незаметно, как и раньше, возник из марева огромный сверкающий дворец, и Конана с Хепатом провели в тронный зал.

Существо с телом человека и головой ящерицы все так же величественно восседало на прозрачном бриллиантовом троне.

— Поздравляю с победой, Конан, — сказал демон, — ты блестяще справился с первым заданием. Скоро будет второе, а пока — отдыхай.

— А как насчет обещанной силы?

— Я же говорил, что сила будет даваться постепенно и в первую очередь для выполнения заданий.

— А после выполнения заданий — будет ли она оставаться со мной? — Конан решил сделать вид, будто полностью принял условия демона и ни о чем другом, кроме обещанной силы, не помышляет.

— Все мои дары будут оставаться с тобой до тех пор, пока я существую в этом мире! — усмехнулся Аскеледон.

Во всяком случае, Конан посчитал, что слегка перекошенная морда ящерицы означала усмешку.

— Но долго ли ты намерен оставаться в этом мире? Может быть, тебе скоро надоест, и ты найдешь лучший?

— Не пытайся меня перехитрить! — Аскеледон фыркнул. — Ты прекрасно понял: сила покинет тебя с моим исчезновением.

— Разве демоны смертны? — удивился Конан.

— Нет, конечно! Я сказал про «исчезновение» из этого мира — всего лишь. Но не пытайся выведать больше, хитрец! — И демон, совсем как какая-нибудь старая карга с окраин Шадизара, погрозил Конану согнутым, корявым пальцем. Правда, этот палец, в отличие от старушечьего, был украшен огромным, острым когтем.

Несколько дней Конан и Хепат провели в пирах. Демон не показывался, в тронный зал их пока не приглашали, и друзья проводили время в зале, очевидно, предназначенном для приема гостей. Алмазные столы ломились от обильной закуски, а что касается вин, то выбор был настолько богатый, что друзья так и не успели попробовать их все.

Никакой прислуги не было. То и дело столы отъезжали в сторону, уступая место другим. Хепат, успевший привыкнуть к волшебству, щелкал пальцами и указывал место, куда должен встать очередной стол. И столы его слушались, как собачки. Конана смешил важный вид гнома, с необычайным достоинством командующего мебелью, как полководец армиями.

Наконец, явилась ящерица и жестами показала, что Конана ожидает правитель. Хепату, так же жестами, велели оставаться на месте.

Аскеледон выглядел вялым и уставшим. Конан заметил, что одну руку демон держит неестественно. А на груди его прямо на глазах исчезали шрамы от огромных, рваных ран, нанесенных, очевидно, остройми когтями.

— Хочу дать тебе второе задание, Конан, — ровным голосом промолвил хозяин серого края. — Восстал один из младших демонов. Он застал меня врасплох... Потребно время, чтобы восстановить силы, но его нет...

Демон не скрывал от Конана своего поражения. Он был честен — во всяком случае, пока.

— Я дам тебе необходимую силу. Где найти смутьяна — ты будешь знать. А теперь ложись и постараитесь расслабить мышцы.

Не говоря ни слова, Конан улегся на жесткий алмазный пол. Раскинул руки и ноги. С выдохом расслабился. Как всякий воин-профессионал, он умел отдыхать в короткий срок. Искусство состояло в том, чтобы постепенно, начиная с пальцев ног, расслабить все тело, превратить мышцы в мягкое, текучее тесто. Затем ощутить тепло, приятную тяжесть, прилив горячей крови. А душой устремиться ввысь. Летать, как пушинка, в голубом, безоблачном небе. Раствориться в прозрачной синеве.

Таким образом, наемники восстанавливали силы, и десяти минут такого отдыха оказывалось достаточно, чтобы встать бодрым и готовым к бою, словно позади была долгая, спокойная ночь.

Но в данном случае долго расслабляться Конану не пришлось. Мягким, упругим толчком в него вошла сила. Невероятная, нечеловеческая, волшебная сила демонов. Хотелось вскочить, бросится в битву, сокрушать врагов...

Второй толчок — и пришло знание. Он узнал уязвимые места демонов, он понял, как лишать их колдовской силы с помощью длинного, сложного заклинания. И страшные слова заклинания намертво впечатились в его память.

* * *

Хепат с опаской поглядывал на алмазный дворец, возвышающийся неподалеку. Ожесточенно чесал в затылке. Переминался с ноги на ногу.

— Тебе не обязательно ехать со мной, — Конан с сочувствием посмотрел на друга. — Можешь остаться и еще попировать...

— Мне эти пиры уже... Вот где! — Гном постучал себя шершавой ладонью по горлу.

— Ну, тогда поехали... — сказал Конан, опоясываясь мечом. Затем, прищурившись, тоже глянул на сверкающий дворец демона. — Теперь я знаю, как он умудряется носить свой дом на пальце...

— Как же? — рассеянно спросил Хепат.

Все мысли его были направлены на предстоящую битву с демоном. С очень сильным демоном, победившим самого Аскеледона! И с ним сражаться?! Это же самоубийство! Аскеледон дал Конану силу? Так ведь его силы-то как раз и не хватило...

— Не сумею я тебе это объяснить, — с досадой проговорил Конан, подтягивая подпругу и проверяя, хорошо ли приторочены дорожные сумки. — Просто этот дворец — искусственный мир, который можно надеть на палец...

Конан махнул рукой и вскочил в седло. Хепат, кряхтя, забрался на верблюда. Тронулись.

Пожухлая трава рассыпалась под ногами животных. Утренней свежести не чувствовалось — невидимое солнце уже накалило воздух, и друзья ощущали приближение жаркого, душного дня.

— Душно будет... — сказал Хепат.

Конан молчал, нахмурившись. Очевидно, размышлял о предстоящей схватке. Хепат тоже попытался представить себе битву с демоном и... закрыл глаза от накатившего ужаса.

Вспомнилось, что так же он поступал в детстве, когда его собирался наказывать отец. Кряжистый, сильный гном — любитель спиртного и пьяных драк — иногда снисходил до того, чтобы «поучить» детей уму-разуму. Порка была, скорее, для виду, но Хепат, когда до него доходила очередь, закрывал глаза, чем вызывал язвительный смех братьев.

Оглянувшись, гном не увидел сверкающего дворца. Вместо него колыхалось жаркое марево. Повернувшись, Хепат с удивлением воззрился на горы, невесть откуда появившиеся на горизонте.

— Ну, чудеса... — протянул гном, икоса глянув на друга и пытаясь понять, видел ли он внезапно вставшие на пути громады гор.

Конан мельком глянул на Хепата, затем на горы и кивнул. Значит, видел... Стало быть, так все и должно происходить — по воле демона...

Горы приближались, так, словно Хепат и Конан летели к ним на крыльях. Уже заметны стали распадки, отдельные скалы... Скоро горный массив закрыл небо, и друзья очутились в царстве вечной тени — в узком ущелье, на тропинке, повторяющей все изгибы небольшой речки, которая весело журчала по истертym камням.

Хепат испуганно озирался. Животные шли размеренным шагом, а пейзаж вокруг менялся с невероятной быстротой. Путники уже миновали ущелье и остановились на небольшом, но достаточно просторном плато, рядом с неглубокой пещерой.

Впереди высились покрытые снегами пики.

Поднимаясь выше и выше, устремляясь к самому солнцу, они, казалось, дерзко бросали вызов небу и богам.

— Здесь мы закусим и переночуем, — сказал Конан, осматриваясь, — а поутру сразимся с демоном. Не забыть бы слова заклинания... Как это там?.. Забыл...

И, видя ошелевший, полный отчаяния взгляд друга, Конан громко захохотал.

— Да нет же, заклинание крепко сидит в голове. Аскеледону невыгодно мое поражение, он свое заклятье мне вбил навечно.

— Точнее сказать, — до тех пор, пока не исчезнет сам демон, — уточнил гном. — Вместе с ним исчезнут и твоя сила, и данные демоном знания.

— Я не буду об этом жалеть, — спокойно сказал Конан. — Кром вручил мне все, что нужно, а подарки от демона меня не радуют.

Смеркалось. Тени от валунов удлинялись, подкрадываясь к Хепату, отчего ему становилось немного не по себе. Конан жевал вяленое мясо — обычную пищу в походах — и размышлял, вероятно, о предстоящей схватке. Хепат следил за тенью от одного небольшого камня, лежащего недалеко от входа в пещеру, где они собирались устроиться на ночь.

Тень вела себя неправильно. Странно. По мере того, как закатывалось солнце, тени от камней удлинялись к востоку, а эта странная тень упрямо отклонялась к северу. Недоуменно смотрел гном на валун, внешне ничем не отличающийся от других. В чем тут дело? Хепат, с кряхтением — все-таки уже не молод — поднялся, подошел и стал с опаской рассматривать трещины на камне. На миг показалось, что они походят на рисунок какого-то неведомого

существа. Затем — на буквы... Гном затряс головой. Чепуха какая-то... Обычный камень...

Вернувшись на место, Хепат извиняющимся тоном пробормотал:

— Странный камень... тень от него неправильная...

Конан, закончив трапезу, так же молча направился в пещеру. Расстелил одеяло и лег. Заметив его упрямо сжатые губы и складку меж бровей, Хепат понял, что не следует накануне схватки беспокоить друга по пустякам. Вздохнув и, в последний раз бросив взгляд на камень, гном вперевалку — затекли ноги — вошел в пещеру, и тоже улегся, подложив под голову согнутую руку.

Поднявшийся было ветерок к ночи стих. В пещере стало душно. По телу Хепата то и дело ползали муравьи, и он передвинулся ближе к выходу. Но оказалось, что именно там и пролегала привычная муравьиная дорога. Маленькие твари теперь не просто пробегали, направляясь по своим, муравьиным делам, а злобно набрасывались на непрошенного гостя и кусали его, стремясь очистить дорогу, по которой они бегали испокон веков.

В конце концов, гном вышел из пещеры и устроился под открытым небом. Звезды глянули на него далекими, холодными глазами. И тут Хепат сел от неожиданности — на небе не было ни одного привычного созвездия! Сплошная мешаница, путаница!

— Ну да, конечно, — пробормотал он. — Ведь это другой мир... другой...

Однако непривычный вид звездного неба до того взволновал гнома, что он с отчаянием понял: теперь не заснуть. Но отдохнуть необходимо — завтра схватка, а он оруженосец!

Из пещеры доносилось мерное похрапывание Конана. Гулкое эхо отклинулось на далекий горный обвал. Хепат лежал с открытыми глазами. Его раздражало собственное сопение. Решив очистить нос, он приподнялся и... оторопел. Камень — тот самый, с неправильной тенью, — был почти рядом. Но ведь Хепат хорошо помнил, что специально лег от него подальше. Хотя... конечно... в сумерках можно и ошибиться...

Забыв, что собирался высморкаться, гном скатал одеяло и забрался опять в пещеру. Пусть лучше будет немного душно...

Между тем взошла луна, и вновь у камней появились тени. И вновь тень от странного валуна тянулась в другую сторону. Если бы Хепат не заснул, он мог бы заметить движение — медленное, но неуклонное перемещение камня в сторону пещеры. Но спит Хепат. Спит Конан. Тяжелые сны витают под сводами пещеры.

Хепату снится река. Бурная, темная река. Из последних сил плывет он по ней, тщетно пытаясь зацепиться за плывущие рядом коряги. Острые корни царапают его, не дают ухватиться, отталкивают и смеются, злорадно смеются... И кусают корни маленькими ртами, и ползают по телу, как муравьи...

Хепат пробудился и вскочил. Полная луна мертвенным светом заливала пещеру. По телу действительно ползали муравьи — опять гном перегородил им дорогу. Торопливо отряхиваясь, он глянул на камень и задохнулся: валун лежал в пещере, недалеко от головы друга.

Гном успел издать только слабое карканье, а Конан был уже на ногах и с мечом в руке. Хепат закивал на камень. Конан вспомнил слова гнома о странном валуне, успел посетовать, что не придал им значения, и понял, наконец, что это за камень...

Мгновение спустя перед ним, касаясь головой свода пещеры, стоял огромный демон. Гораздо больше и мощнее Аскеледона.

«Конечно, — как-то вскользь подумал Конан, — он мне не стал сообщать о размерах и силе этого «младшего демона» — зачем пугать? Как же ловко тот прикинулся камнем!.. Если

бы не Хепат...»

И пока в голове Конана бродили эти мысли, киммериец громко читал заклинание. В сущности, он начал его читать сразу, как только увидел демона, но впечатанные в память слова были длинными, заковыристыми, и Конан не знал, как поведет себя демон: будет спокойно стоять и ждать, когда его лишат силы?!

Краем сознания Конан заметил, что Хепат, преодолев страх, скользнул с кинжалом в руках за спину чудовища. Только бы не поторопился! Только бы не начал действовать раньше времени!

Страшные, грубые звуки складывались в непонятные, жуткие слова. Конан размеренно произносил заклинание. Демон поднял толстые, корявые, как стволы векового карагача, лапы. Открыл зубастую пасть и заревел. Только у Конана появилось время заметить, что голова демона отличалась от головы его «старшего собрата» Аскеледона. Тут явно не ящерица! Скорее, крокодил... Только морда тупее, короче...

Четко, убийственно точно ложились слова колдовской формулы на сущность демона. Ничего не мог он поделать с самого первого услышанного им звука. Он уже знал, что демоническая сила сейчас оставит его и придется биться в рукопашную. Но схватка с этим слабым, маленьким существом не пугала демона... Впрочем, немного смущало то, что ненавистный Аскеледон послал к нему именно этого слабого человека. Может быть, первое впечатление обманчиво? Аскеледон!.. Мерзкий старик! Ему давно пора уступить власть! Последнюю схватку он проиграл вчистую и спасся только благодаря случайности... Но случайностей больше не будет!

Конан закончил произносить заклятье и внимательно следил за демоном. Что дальше? Похоже, пока звучали волшебные слова, чудовище не могло драться. Сейчас, наверное, сможет...

Демон стоял, по-прежнему подняв руки и, казалось, с любопытством разглядывал Конана. Затем кивнул в сторону выхода из пещеры и, тяжело переваливаясь, первым двинулся на площадку, где еще несколько минут назад лежал в виде камня. Конан с обнаженным мечом последовал за ним. Гном выскользнул из пещеры незамеченным.

Демон пригнулся, присел и застыл в неестественной, на первый взгляд, позе — с поднятыми когтистыми лапами и слегка опущенной головой. Конан наметанным взглядом уловил, что перед ним опытный боец. Опущенная голова с ороговевшей чешуей прикрывает горло, лапы в любой момент могут отразить или нанести удар, а согнутые ноги, подобно пружине, — бросить мощеное тело на противника. Единственной уязвимой точкой у демона была шея. Чуть ниже подбородка. Это знание Конан получил от Аскеледона — только одна точка на шее...

Толстая шкура складками покрывает огромное тело, и ее невозможно проткнуть мечом. Только шея...

Конан двумя руками воздел меч, как бы отдавая салют, и почувствовал, как в нем забурлила сила. Он мог поднять огромный валун и зашвырнуть его на луну, мог оторвать скалу и растереть ее в порошок, мог расшатать и опрокинуть гору! И уж конечно, мог одним щелчком убить этого жалкого демона!

Но расчетливый ум опытного воина подсказал: не горячись, у демона сила не меньше твоей, и победить его можно только в тяжелом бою. Конан сделал вид, что собирается нанести укол мечом в брюхо, но в последний момент крутанулся и нанес рубящий удар, нацеленный в горло чудовища. Меч со звоном отскочил от роговых пластин на морде демона.

И в тот же миг демон ударил — то был быстрый взмах могучей, кривой лапы с когтями длиной в локоть!

Конан сумел увернуться, и вновь свистнул его меч — удар пришелся по ноге демона и был так силен, что породил эхо. В ущелье многократно повторился глухой, тяжкий звук.

Но демон обратил внимание на это не больше, чем мясник на надоедливую муху. Он с рычанием прыгнул на Конана и подмял его под себя. В повадке демона было что-то медвежье. Так же огромный медведь стремится навалиться всей тушей, придавить, лишить возможности двигаться, а затем разорвать беспомощную жертву когтями. Конан не успел увернуться и оказался в объятиях демона. Смрадное дыхание чудовища обжигало лицо, слюна капала в глаза, а когти впились в бок и спину.

Киммериец напряг мышцы. Сила! Не та сила, что дал Аскеледон — та уравновешивалась мощью демона — а та, которую дал ему Кром! Природная сила варвара! Со стоном Конан оторвал от себя смрадную тушу. Крокодилья морда теперь находилась на расстоянии вытянутой руки, и можно было хорошо разглядеть глаза чудовища. Желтые, выпуклые, с вертикальными зрачками, они источали такую ненависть, что у Конана закружилась голова.

Быстрым движением варвар поднял согнутую ногу — это прием он часто применял в детстве — и упер лодыжку в шею чудовища. Резкий толчок — и демон опрокинулся на спину. Конан оседлал бесформенную тушу, удерживая корявые руки с ужасными когтями. На какой-то момент наступило равновесие. Конан не мог схватить лежащий рядом меч — отпустить лапы демона, значит, получить смертельные раны от его страшных когтей; а демон не мог пошевелиться — настолько сильной оказалась хватка киммерийца.

И тут перед глазами противников мелькнула маленькая рука, полыхнуло холодным светом лезвие кинжала, и несколько глубоких ран на шее демона заставили потускнеть горящие желтые глаза.

Конан с отвращением ощущал судороги издыхающего чудовища, но разжал пальцы только после того, как демон, издав последний предсмертный рёв, наконец, затих и обмяк.

Некоторое время друзья молча разглядывали мертвое чудовище.

— Хороший у тебя кинжал... — пробормотал, наконец, Конан.

— И это вся твоя благодарность?! — возмущенно вскричал Хепат.

— Ты же мой оруженосец! Оруженосец просто обязан помогать своему господину... а уж другу — тем более!

* * *

С первыми лучами солнца друзья засобирались в обратный путь. Мертвое тело демона за несколько часов успело основательно разложиться и смердело так, что находиться около пещеры стало невозможно.

— Почему же он так быстро протух? — плевался Хепат.

— Тело, это, я думаю, было очень старым. Кто знает, сколько ему тысяч лет... И как только душа демона покинула его...

Конан не договорил. Он заметил, что в глазах мертвого чудовища уже копошатся черви.

— Интересно, где она сейчас — душа демона? — не унимался Хепат.

— В другом мире, надо думать, — проворчал Конан.

Он в последний раз окинул взором площадку перед пещерой — не забыли ли чего — и

вскочил в седло. Поддавшись неожиданно нахлынувшей радости от победы над демоном, от ощущения бурлящей в мышцах силы, Конан поднял жеребца на дыбы и весело рассмеялся. Затем пустил коня рысью вниз по тропе. Хепат на верблюде затрусиł следом.

И вновь дорога вела себя странно. Горы за спиной исчезли незаметно, хотя Хепат то и дело оглядывался, пытаясь не упустить момент... И вот — опять... Только что громоздились позади мрачные вершины... и растворились в жарком мареве за один миг. Скоро на горизонте показался алмазный дворец.

Конан резко остановил коня.

— Мне кажется, что ты давно хочешь проводить одного знакомого. Ты с ним недавно подружился...

Хепат недоуменно смотрел на друга. О чем он говорит?! Конан невозмутимо продолжал:

— Помнишь? Огромный наемник, которому ты спас жизнь — не позволил мне нанести последний удар!

— Ну, да... помню... — забормотал гном. — Но я... не собирался...

— Ты собирался! — многозначительно перебил друга Конан, глянув на прозрачный дворец.

Хепат, наконец, начал что-то понимать. Ну да, конечно, если Конан победит Аскеледона — еще останется его небольшая армия... Слуги, рабы... Нужно привести наемников... Но где их искать?

— Да, нужно бы мне навестить друга, — громко проговорил гном. Если демон проделывает такие шутки с дорогой, он вполне может слышать, о чем они разговаривают.

— Если поедешь прямо на юг, то не заблудишься! А завтра, думаю, ты вернешься. Смотри, сильно не напивайся! — усмехнувшись, Конан тронул коня и уже через минуту его силуэт едва виднелся в колыхании марева.

Гном потянул уздечку и нацелил морду верблюда строго на юг.

— Я даже не знаю, что это за страна, — бормотал он себе под нос, понукая ленивого верблюда.

Где искать командира наемников или того, кто им платит? Да, именно! Нужно найти того, кто сказал Конану: «Моя армия в твоем распоряжении»... И следует поспешить — вероятно, бой с демоном произойдет уже завтра!

* * *

Конан, вернувшись в алмазный замок, не был допущен к демону. Прекрасные полуобнаженные рабыни у вели его в зал, в центре которого находился бассейн с прозрачной, родниковой водой. Бриллиантовые вазы по углам курились ароматными дымами. На разные голоса играли невидимые свирели. Танцовщицы кружились в завораживающем танце...

И на утомленного киммерийца снизошел покой. Погрузившись в бассейн, он позволил нежным рукам служанок омыть свое уставшее тело, удивляясь их легким, порхающим прикосновениям.

Затем, осторожно взяв за руки, его вывели из бассейна и уложили на широкую лежанку. Несколько искусниц стали делать массаж. Его переворачивали то на живот, то на спину. Мягкие ладони, медленные, плавные, почти ритуальные движения...

Конан чувствовал, как расслабляются мышцы, как приятная теплота разливается по телу,

он полностью отдался во власть прекрасных дев, казавшихся ему феями из детских сказок. Киммериец закрыл глаза, и постепенно дыхание его стало спокойным и незаметным. Так хорошо Конан не чувствовал себя, пожалуй, никогда.

Он неподвижно лежал на прозрачной скамье, ему шептали:

«Слушай музыку, она прекрасна», — и он слушал, он был очарован переливами сирелей.

Ему шептали:

«Почувствуй прикосновения наших ладоней, они теплые, нежные», — и он ощущал всю прелест нежных ручек, ласкающих его тело.

Ему шептали:

«Внимай только нашим голосам, забудь обо всем. Ты слышишь только нас, только наш шепот. Ты слышишь нас, и тебе хорошо. Ты отдыхаешь, ты расслаблен, ты дышишь спокойно, медленно... тебе хорошо, как никогда... отдых... расслабление... сон... хорошо... все хорошо... ты отдыхаешь... ты спишишь...»

Раскинувшись на лежанке, Конан действительно ничего не слышал, кроме чарующих — точнее, зачаровывающих — голосов ласковых фей. И только в глубине его души какая-то часть затухающего сознания призывала к осторожности:

«Феи околдовывают тебя, Конан... Неужели ты не видишь этого? Очнись, иначе никогда не проснешься!»

Какое-то время в сознании киммерийца боролись сладкие голоса фей и суровый голос разума. «Спи... отдыхай... расслабься... забудь обо всем... слушай только нас...», — бормотали феи.

«Очнись... пробудись... не давай себя усыпить...» — призывал разум.

И Конан вдруг понял, что Аскеледон хочет лишить его силы. Именно для этого сейчас его усыпляют. Скоро придет демон и... он, Конан, обладая силой, представляет для хозяина алмазного замка слишком большую опасность. Аскеледон не хочет рисковать.

Огромным усилием воли разорвал Конан чары, открыл глаза и увидел, что вокруг не прекрасные девы, а безобразные ящерицы. С глухим ворчанием, точно потревоженный медведь, поднялся воин с лежанки и нашел глазами меч. Не догадались его унести, спрятать, слишком уверены были ящерицы в успехе...

Позади раздался грозный рык разгневанного демона. Переваливаясь и косолапя, он вошел в зал. Но Конан уже держал в руках меч. Тряхнув головой, прогнал остатки навеянных ящерицами чар. Твердо посмотрел в глаза демона. Они понимали друг друга.

Хозяин серой страны спокойно слушал зловещие слова заклинания, которые, так же спокойно, размеренно произносил Конан.

«Жалкий человечишко, — думал демон, — я дал тебе силу, я мог бы тебя возвеличить, сделать наместником, полководцем... Вместо благодарности ты решил напасть на меня! Так умри же! Умри, как несчастный, провинившийся раб!»

Конан уже произносил последние слова заклинания. Тяжелые, непривычные звуки, лишающие силы демона, здесь, в его логове, во дворце, который он носил на пальце, звучали приглушенно, будто сами стены пытались помешать волшебству. Но Конан читал, и содрогались стены. Трясся весь дворец, словно началось вдруг великое землетрясение. Откальвались от стен огромные куски и падали со звоном на потускневший, потрескавшийся пол. Сверкающей, алмазной пылью рассыпался волшебный дворец. С последними звуками заклинания осела блестящая пыль, и Конан увидел, что стоят они в

поле, под низко нависшими серыми тучами, а вокруг — вооруженные люди.

С одной стороны — армия демона: негры, южане, ящерицы. С другой — армия наемников, и к Конану спешил Хепат, а чуть позади гнома шли командир и тот гигант, которому он, Конан, подарил жизнь в поединке.

Демон вертел змеиной головой, принюхивался, глухо, недовольно ворчал. Презрительно осмотрел свое воинство и понял, что ему не выстоять против закаленных наемников, понял, что придется опять договариваться о поединке — в этом его последняя надежда.

Конан стоял в мрачной задумчивости. Значит, вновь поединок... Только на сей раз противником его будет сам Аскеледон. Могучий демон, восстановивший силу после битвы с собратом. Но ведь собрата его Конан сумел победить! Не совсем один — об этом тоже следует помнить... Помог ему друг... Если бы не кинжал Хепата...

Гном подошел и обнял ногу огромного киммерийца. Седой командир — бывший правитель серой страны — смело приблизился к демону и заговорил об условиях поединка. А Конан вдруг осознал, почувствовал, что волшебная сила, данная демоном, его покинула вместе с последними словами заклинания. Естественно — он же сам уничтожил волшебство Аскеледона. Рассыпался дворец — и исчезла сила...

Конан глянул на огромную кряжистую фигуру противника — на две головы выше ростом, мышцы буграми перекатываются под толстенной кожей. И эту кожу ни за что не пробить мечом!

Только шея... Но уж ее демон будет защищать особенно тщательно! Кривые лапы с огромными когтями. Мощный торс — толстый, как ствол баобаба. Разве можно человеку, не обладающему волшебной силой, в единоборстве победить демона?

Конан заметил тревожный взгляд Хепата — друг понял, о чем он думает, догадался, что волшебная сила исчезла. Но оставалась еще надежда в глазах бывшего правителя страны... И сочувствие в глазах наемника — его бывшего противника — Конан так и не узнал его имени...

Но ничего! Пусть киммериец и лишился колдовской силы, но у него еще осталась та, что дал ему Кром! Жаль, он не успел попросить помощи у Митры, как советовала Итилия...

Противники встали друг против друга. Желтые глаза демона сверкали торжеством.

«Человек, лишенный силы — что сможешь ты сделать против демона?»

Конан замер, направив острие меча на противника. Каждый нерв его был натянут, подобно тетиве лука, каждая мышца готова к немедленному действию. Аскеледон размахнулся, намереваясь ударить правой лапой, но неожиданно ударил левой. Конан легко увернулся. На такие примитивные фокусы он не попадался.

Демон прыгнул вперед и нанес несколько быстрых ударов поочередно обеими лапами. Каждый раз страшные когти чудовища проходили в нескольких сантиметрах от лица Конана, но ни один удар не достиг цели. Демон взревел и бросился на ненавистного человека всей тушей.

Легко нырнув под его кривые лапы, Конан ушел в сторону. Аскеледон завертел змеиной головой — он попросту потерял противника.

И Конан понял, что, в сущности, демон не умеет сражаться. Он привык использовать демоническую силу. Лишенный магической подмоги, Аскеледон превратился в неопытного новобранца — конечно, мощного, очень сильного, но неуклюжего и плохо понимающего тактику рукопашного боя.

Неожиданно для всех Конан рассмеялся. Хепат облегченно вздохнул. Он понял причину

веселья друга.

— И все-таки будь осторожен! — крикнул гном, но голос его потонул в злобном реве демона.

Аскеледон тоже понял, почему развеселился его верткий противник.

— Ничего, — прошипел он, — ничего, поиграй, побегай... Надолго ли тебя хватит?

И он ринулся в атаку. Несмотря на кажущую неуклюжесть, демон наносил удары с завидной быстротой. Конан уклонялся, отпрыгивал, ускользал... Выбрав удачную позицию, он нанес несколько ударов мечом — безрезультатно. Сталь отскакивала от толстой шкуры чудовища, как от скалы.

Собрав всю силу, Конан попробовал нанести неожиданный укол в брюхо демона. Шкура прогнулась, Аскеледон получил ощущимый удар, но и только. Конан не знал, насколько чувствительны демоны к боли. Судя по реакции его противника — не очень.

Оставалось одно — ждать, когда хозяин серой страны забудется и откроет горло. Внезапно Аскеледон остановился. Нет, он не устал, ему просто надоело без толку махать лапами. Конан понял, что сейчас противник сменит тактику. И действительно, демон, после некоторого раздумья, решил нападать по-другому. Того, что он сделал, не ожидал никто. Это настолько противоречило всем канонам рукопашной битвы, что предвидеть такой оборот было попросту невозможно.

Аскеледон ринулся вперед в странном, кособоком прыжке, затем повалился на бок и покатился, как огромное бревно, на противника. И Конан попался. Такого приема он не ожидал и не успел отпрыгнуть достаточно далеко. Демон ухватил его за ноги и одним рывком бросил на землю.

Конан пытался освободиться от хватки когтистых лап, но через несколько мгновений демон подмял его под себя и издал победоносный рев. И в этом была его ошибка! Заревев, он задрал морду, и на миг оставил без защиты уязвимую точку на шее. Но чего ему было опасаться? Меч Конана лежал в стороне — до него не дотянуться, да и невозможно действовать мечом на близкой дистанции.

* * *

Впоследствии во всех тавернах серой страны шли горячие дискуссии: по правилам или вопреки всяким правилам Конан победил демона. Большинство не видели ничего страшного в том, что оруженосец бросил своему господину кинжал — на то он и оруженосец! Другие возражали — в поединке-де надо биться только тем оружием, что есть при тебе!

Споры часто переходили в потасовки, и тогда правыми оказывались обладатели более мощных кулаков. Но когда в таверну заходил огромный воин по имени Селидон — его имя Конан услышал только на пиру по случаю освобождения страны от власти демона — никаких споров не возникало. Ибо Селидон считал, что Конан и Хепат действовали правильно, и одного взгляда гиганта было достаточно, чтобы все с ним поспешили согласиться...

* * *

Именно в тот момент, когда демон поднял морду и издал ликующий рев, в воздухе мелькнул фамильный кинжал Хепата. Казалось, это оружие само легло в руку киммерийца. Каким образом Конан, не глядя, поймал клинок, оставалось загадкой, хотя гном иногда, загадочно улыбаясь, доставал из кармана небольшую, вырезанную из янтаря статуэтку, гладил ее и бережно прятал обратно в карман.

Он считал, что ответил на вопрос, ибо статуэтка изображала самого Митру — бога солнца, подателя жизни...

Конан не знал о том, что его друг успел не только привести армию, но и отыскать храм Митры. Поэтому, когда на пиру киммерийца спрашивали, как же он все-таки поймал кинжал, он только пожимал плечами.

И когда резная рукоять кинжала легла в руку Конана, варвар нанес один-единственный, точный удар!

Труп демона разложился практически мгновенно. Видно, его тело было гораздо старше тела мятежного демона, убитого в горах. Армия Аскеледона перестала существовать сразу после того, как покрытый ранами Конан, тяжело дыша, выбрался из-под туши чудовища и высоко поднял окровавленный кинжал. Ящерицы опустились на четыре лапы и разбежались в разные стороны.

Огромные, мрачные негры, молча сложили оружие и, выстроившись, ожидали решения нового хозяина — прежнего правителя страны — относительно их дальнейшей судьбы. Так же поступили и воины, которых Конан называл про себя «южанами».

Правитель поступил с ними великодушно и мудро — добровольцев принял к себе на службу, а остальных просто отпустил на все четыре стороны. Труп демона превратился в прах еще до того, как его армия сложила оружие, и вскоре на месте поединка лежал только перстень с почерневшим, потрескавшимся камнем.

Но никто — ни один человек — к нему не прикоснулся, и еще долгие годы лежал на огромной проплешине черный перстень демона. А еще через несколько лет, после небольшого землетрясения, в земле образовалась трещина, которая и поглотила навеки перстень демона Аскеледона.

Два талисмана

Крошечный, игрушечный костерок горел, как бы сам по себе. Казалось, убери аккуратную кучку хвороста — костер не погаснет, наоборот — разгорится, проглотит котелок, подвешенный на тонких прутьях, перекинется на пожухлую траву, дойдет до самого горизонта дымным палом, наполнит степь гарью и успокоится, только уткнувшись в реку или море...

Но не разгорается сверх меры костер, не прогорает хворост, не ломаются обуглившиеся прутики, на которых висит котелок, источающий удушающее зловоние. Аккуратно пылает волшебный костер, равномерно прогревают оранжевые языки закопченное днище котелка, кипит, варится пахучее зелье.

У костра в свободных позах расположились трое. Могучий, широкоплечий воин с гривой черных волос, загорелым лицом и неожиданно синими глазами; стройный, небольшого роста человек с тонкими, подвижными пальцами и острым, как бритва, взглядом; и гном со спутанной бородой и длинным, крючковатым носом, на котором радостно красовались две бородавки, поросшие жесткой седой щетиной.

— Колдуны в царстве Вармина тоже умели обходиться несколькими поленьями, а костер горел бесконечно... — Гном тяжко вздохнул.

— Мне жаль, Хепат, что так случилось с твоим кланом, — сказал человек с острым взглядом.

Сказал, впрочем, без всякой жалости, скорее, даже весело.

— Эти дикари никого не щадят... Действительно, мне очень жаль.

Широкоплечий воин досадливо поморщился и подвинулся к костру — прохладная ночь исстари заставляла людей прижиматься к огню. Однако костер был так невелик, что воин крякнул с досады. И только протянув к огню широкие, твердые ладони, почувствовал, наконец, тепло. Еще раз, убедившись в том, что ветер относит ужасный запах варева на того, кто его варит — то есть на человека, чересчур весело произносящего слова соболезнования, воин пробурчал:

— Очень уж ты весел, Эскиламп. Твой учитель, помнится, тоже часто смеялся, пока его не сожрала гигантская змея...

Эскиламп в очередной раз искренне рассмеялся. Он не был злым или бессердечным человеком. Просто — веселым от природы. И даже освоенное в совершенстве темное ремесло колдуна не изменило его нрава.

— Ах, Конан, ведь это ты рассчитал так, чтобы змея набросилась на моего бедного учителя... Но я не сержусь — он ведь хотел тебя обмануть.

— Хотел, это еще бы ладно, — зачастил Хепат, — он на самом деле нас обманул! Обещал сокровища дракона! А они оказались под неподъемной каменной плитой!

— Но у вас остались драгоценные камни короны! Их нужно было продать, пока они не превратились в булыжник!

— Продать-то мы продали, только ненадолго хватило, — проворчал Конан.

Он покачал головой и усмехнулся. Хепат, очевидно также устремившись мыслью в прошлое, закряхтел и поскреб затылок.

— А что там было дальше — ты сумел вернуть колдовской кинжал своего «бедного учителя»?

Конан придирично оглядел колдуна — оружия на нем не было.

— Конечно. Пришлось заставить змею выплюнуть свою добычу... — На сей раз Эскиламп не смеялся.

Задумчиво извлек откуда-то из недр плаща изящный кинжал в украшенных самоцветами ножнах, медленно, мягким, текущим движением обнажил клинок.

Конан помнил рассказ Актиона, погибшего наставника Эскилампа, об этом необычном артефакте. Многие тысячелетия передавался от учителя к ученику чудесный кинжал — символ могущества и волшебной силы. Изготовил его в незапамятные времена безымянный мастер, а великий чародей, имя которого осмеливались произнести только посвященные в высшие таинства колдовства, придал клинку невиданную волшебную силу.

И пронесли это грозное оружие через бесчисленные тысячелетия великие колдуны — духовные потомки могучего чародея, жившего, по преданиям, задолго до возникновения цивилизации хайборийцев.

Некоторое время все трое молчали, не сводя глаз с кинжала. Первым очнулся Конан. Отвел взгляд, тряхнул головой.

— Я помню, как трудно с ним расстаться, если взять его в руки...

Эскиламп спрятал кинжал и стал помешивать жидкое варево в котелке.

— Уже скоро... Скоро, Конан ты узишь свое ближайшее будущее...

— А моё? — всполошился гном.

— Твоё? — колдун сделал вид, что задумался. — Ты ведь оруженосец Конана... Значит его будущее — это и твое тоже!

Хепат успокоился. Путаясь пальцами в пышной бороде, почесал подбородок. Затем опасливо потянул носом воздух:

— И мы должны будем это выпить?

— Это должен выпить Конан! — Колдун снял котелок с огня и поставил поодаль — остудить.

Костерок горел неугасимо. Хворостины истогали огонь, оставаясь только чуть-чуть обугленными. Пронзительно закричала ночная птица, заставив Хепата вздрогнуть.

Успокоившись, гном подозрительно оглядел товарищей — не заметил ли кто его испуга? Получалось, что никто не заметил: Конан был занят своими мыслями, Эскиламп, чему-то усмехаясь, переливал зелье из котелка в кружку.

— Хорошая у тебя кружка, Конан, — колдун внимательно рассматривал барельефы странных существ, почти касавшихся друг друга в застывшем, неоконченном танце.

Казалось, посмотришь достаточно долго и внимательно — и сам застынешь, оцепенеешь, а они возьмут друг друга за лапы и понесутся в жутком, нелепом хороводе.

— Ее подарил мне демон Аскеледон, — просто сказал Конан.

Эскиламп с любопытством вскинул брови.

— Да, я слышал... Интересно, как тебе удалось победить одного из семи демонов?

Киммериец усмехнулся:

— Он сам научил меня заклинанию, лишающему демонов волшебной силы!

Эскиламп чуть не выронил кружку. Затем осторожно поставил ее на землю и только тогда осторожно осведомился:

— Ты его помнишь, заклинание? Сможешь вспомнить?

Конан покачал головой. Затем, нахмутившись, пояснил:

— Вместе с волшебной силой исчезли все дары демона, в том числе и заклинание... Я

много раз пытался... Не помню ни единого слова!

Хепат гулко откашлялся.

— Я помню, что слова там были... корявые, какие-то... страшные! У меня мурашки бежали по спине, когда Конан их произносил...

— Жаль... — Колдун поднял кружку на уровень глаз, еще раз полюбовался изображением драконов и прочих гадов, приготовившихся ожить сразу же — как только прозвучат волшебные слова.

— Жаль, — повторил он задумчиво, — а ты знаешь, Конан, кружка до сих пор сохраняет связь со своим первым хозяином! Я чувствую присутствие демона. Он, конечно, очень далеко, но... кто знает...

Колдун замолчал, прислушиваясь к ночным звукам, будто ожидая внезапного появления ужасного Аскеледона.

— Я вот не понимаю, — начал Хепат. — Конан же его убил...

— Невозможно убить демона, друг мой, — терпеливо пояснил Эскиламп. — Конан уничтожил его тело, но не сущность. И в любой момент Аскеледон может облечься в новую плоть и вернуться... Если, конечно, захочет...

— Если захочет отомстить? — тонким голосом уточнил Хепат.

— Да, если захочет отомстить, — согласился волшебник. — Но, я думаю... у него есть дела поинтереснее. Так что — не бойтесь.

— Да мы и не боимся! — Хепат глянул на Конана, ожидая поддержки.

Киммериец смотрел на кружку в руке волшебника.

Эскиламп понюхал зелье.

— Запах исчез полностью, теперь пора! — Он протянул кружку Конану.

Хепат, тревожно озираясь, прислушивался к ночным звукам. Какая-то птица очень уж резко кричала... Не к добру это... И еще — постоянно чудились шаги... Будто кто-то подкрадывался к костру...

Конан единым духом осушил кружку. Прислушался к ощущениям. Ничего нового. Не спеша, чувствуя пристальный взгляд колдуна, сунул кружку в седельную сумку. Завязал тесемки и удивился, что узел получился кривой — придется повозиться, когда потребуется развязать...

Костер вдруг вспыхнул зеленоватым светом. Стал разрастаться, жадно поглощать пространство... Вскоре пляшущие языки достигли звезд... А если попробовать подняться? Вечные, манящие звезды...

Конан рванулся ввысь...

Он знал, что по-прежнему сидит у костра. Он видел озабоченные глаза Хепата и острые, царапающие — колдуна. И в то же время — летел среди таинственных, мерцающих звезд.

Да, взгляд у Эскилампа — как острыя секиры... Того и гляди — полоснет по горлу. Нужно его, пожалуй, осторегаться, хотя ничего плохого он не сделал. Но осторегаться вообще нужно всех колдунов, без разбора...

Мимо проносились светящиеся точки звезд... Как же далеко он залетел? Кто это там... летит следом? Аскеледон, не сумевший облечься в тело?.. Его дух? Его поганая сущность? Бешеные звездные скачки... Демону не догнать... Он проиграл бой, он слишком слаб!

Кто это летит рядом? Прекрасная фея... Черные, как ночь, глаза... Итилия? О боги! Она держит в руках чью-то голову! Посмотреть ближе... Кто это? Кого ты убила, женщина-воин, прекрасная, как пери, и опасная, как невидимый, заговоренный клинок? Кто это? Это твой

муж — веселый купец? Его глаза смотрят с укоризной и горечью...

Хепат приложил ухо к груди — слушает, не остановилось ли у меня сердце в этой безумной скачке... Эскиламп его успокаивает...

Впереди битва... Сражаются странные существа... Полудраконы-полулюди... Невероятно древние создания — старше демонов... Они пришли на землю задолго до того, как она стала пригодна для жизни... Но они на ней жили...

Путешествие среди звезд... Означает ли это вечное странствие? Вечные скитания? Или просто душа не знает покоя?

Опасность! Позади огненный дракон! Еще миг — и его крылья-сплохи поглотят, сожгут, испепелят! Но кто это? Красавица, сияющая, как бриллиант в солнечном свете, взмахом руки отводит огонь и, лучезарно улыбаясь, смотрит в глаза. Прекрасная пери! Сверкающая звездочкой в кромешной тьме... Она всегда мне помогала, и всегда будет помогать... хотя никогда я не узнаю ее имени... Наверное, не узнаю... Моя душа, мое тело, мой меч — все у твоих ног, богиня...

Назад... назад к Земле... Вниз! В самые недра. Глубже... Туда, к самым корням гор, где не бывал даже гном...

Темнота... затем мягкий зеленоватый свет... Необъятные подземные лабиринты... Пожирающие друг друга чудовища... Злобно чавкающие, ненасытные, непрерывно набивающие утробу кровавыми кусками плоти детей, братьев, родителей... Вся мерзость земли, опускаясь в глубины, просачиваясь сквозь камень, многие сотни тысячелетий накапливалаась в недрах, находя воплощение в ужасных, кровавых чудовищах...

Дальше, ниже... Туда, где в ожидании дремлют слуги вечного Хаоса. Существа, сотканные из тьмы... Противники богов, некогда сотворивших Землю... Нет, их увидеть невозможно... Они придут, когда настанет время...

Но пора возвращаться... действие зелья заканчивается... Волшебный костер горит все так же весело... Потрескивают, но не сгорают сучья... О боги! Как болит голова!

— Воды!.. Дайте воды!

Хепат принес баклагу. Со стоном Конан припал воспаленными губами к влажному горлышку. Вода смывала остатки волшебного сна, возвращала в действительность. Медленно, неохотно исчезала головная боль. Родниковая вода — это сама жизнь... Это первоисточник...

С трудом оторвавшись от баклаги, Конан перевел дух.

— Расскажи, что ты видел, Конан, и я постараюсь это растолковать, — Эскиламп уселся поудобнее и приготовился слушать...

* * *

Чернокожий мальчик по имени Дриан, коренной житель страны Куш, сидел в пыли посреди окраинной улицы города Ксутал, и наблюдал за колченогим жуком-скарабеем. Утопая в пыли, отчаянно перебирая лапками, жук упорно катил слепленный из навоза шар.

— Он катит свое маленькоое солнце.

Мальчик неохотно оторвался от наблюдений и поднял голову. Перед ним стоял высокий, худой старик, по виду дервиш.

Как это он сумел так неслышно подойти? Мальчик был умен и потому подозрителен. Конечно, пыль приглушает шаги, но все же...

— Солнце на небе! — Дриан для наглядности показал пальцем, затем зажмурился, а когда открыл глаза, вместо дервиша увидел только оранжевые круги.

Глаза вновь пришлось закрыть. И только через некоторое время удалось внимательно рассмотреть странника. Тот спокойно стоял, опершись худыми руками о посох. Седая борода скрывала большую часть изрезанного морщинами лица. Только сверкали странным блеском глаза — совсем молодые, как у... как... Дриан задумался: с чем сравнить странные глаза дервиша? Где-то он уже видел этот взгляд... Во сне? В далеком детском сне...

Он, Дриан, лежал на большом, плоском камне на вершине горы... Неподвижно стоящие вокруг люди монотонно пели заунывную, жуткую песню... Может, это был не сон? Слишком ясно помниться ужасная мелодия... Зловещие силуэты людей в плащах с низко надвинутыми капюшонами... Может ли сон быть таким ярким? И этот взгляд...

Мальчик чуть не вскрикнул. Но жизнь научила его сдерживать эмоции. Он вспомнил, где видел эти глаза... Неожиданно появился высокий человек... Нет, скорее, расплывающийся силуэт высокого человека... Только глаза... Человек, если это был человек, что-то отрывисто произнес, и люди в капюшонах в страхе попятились... Убежали... И он, Дриан, остался один на вершине горы... А вокруг бушевал ветер, и холод пробирал до костей...

Странник по-прежнему стоял перед ним. Худой и высокий. Длинный, залатанный халат, густо покрытый дорожной пылью, висел на нем, как на вешалке. Но странное дело — на пальцах дервиша вдруг сверкнул кровавым светом невероятных размеров рубин.

Заметив удивленный взгляд мальчика, старик сказал:

— Иногда властители слишком щедро благодарят меня за советы...

— Солнце на небе! — возвратился Дриан к прежней теме, требуя пояснений относительно жука с его шаром.

— У каждого свое солнце, — сказал странник и загадочно добавил: — Если ты не поймешь, мне придется искать другого...

— А у тебя какое солнце? — Дриан внимательно посмотрел на дервиша.

— У меня свое, тайное, скрытое от других... Теперь слушай! — Дервиш наклонился и заглянул в самую душу Дриана. — Через три дня в вашей стране погаснет солнце. Ненадолго. Но народ испугается. Будет выть и посыпать голову пылью. Ты не бойся. Солнце вернется. А сейчас иди в дом купца Гассана и расскажи, что тебе было видение про скорое светопреставление. Купец сумеет извлечь из этого выгоду, нужно только убедить его, что ты не лгун. Потом он возьмет тебя к себе в услужение и будет ждать новых пророчеств.

Мальчик слушал, не перебивая. Он, конечно, знал купца Гассана. Видел и его красавицу жену. Знатный и богатый купец, по слухам, являлся первым советником правителя. Придти и рассказать о видении? Вряд ли поверит...

— Как же мне так рассказать, чтобы он поверил?

— Так и расскажи, как есть... И еще начерти вот такой знак, — странник с удивительной быстротой нарисовал в пыли странный знак. Казалось, его посох сам летает по воздуху, оставляя за собой, то прямые, то изогнутые линии.

Дриан внимательно изучил рисунок. Квадрат. Двумя горизонтальными линиями разделен на три равные части. В верхней части изображено что-то вроде колеса без обода. Или, скорее, спицы от колеса... А, может, это обозначение какой-нибудь звезды? В середине старик начертил перевернутый полумесяц. А в нижней части — совсем странные знаки, сплошные закорючки.

Присмотревшись внимательней, мальчик заметил, что слева нарисована не закорючка —

просто маленький круг, а вот дальше... Округлые завитушки, затем прямая линия с какой-то чашкой на конце... И следующий знак — похож чем-то на предыдущий, только расположен по-другому... Трудно будет запомнить...

Но возникло странное ощущение... где-то он уже видел похожий чертеж. Но где?

Наверное, мальчик слишком долго изучал рисунок, потому что, когда он поднял глаза, дервиша рядом не было. Дриан удивленно огляделся. Редкие прохожие, спешившие по делам, совсем не походили на его недавнего собеседника. Может, действительно, это было виденье? Он задремал на солнце, и ему пригрезился странный, высокий стариk в рваном халате и с кровавым перстнем на пальце.

* * *

Купец Гассан жил в красивом, новом доме. Высокие, расписанные глазурью стены были великолепны и неприступны. Золотые купола блестели в лучах полуденного солнца. Узорчатые окна прикрывались решетками, сработанными в виде деревьев, цветов и даже драконов.

Поговаривали, что его жена, красавица Итилия, заставила супруга продать старое, мрачное жилище и взамен выстроить этот чарующий дворец. Купец ни в чем не мог отказать любимой женщине и, изрядно потратившись, выполнил ее просьбу. Рассказывали, что Гассан слушается жену, как почтительный сын — престарелого, мудрого отца.

Робея, Дриан взялся за дверной молоток, изготовленный в виде головы какого-то мерзкого чудища. Клыкастая морда с вытаращенными глазами окончательно лишила мальчика душевного покоя.

Вышедший на стук чернокожий привратник презрительно выслушал сбивчивый рассказ Дриана о некоем важном сообщении для хозяина дома и молча захлопнул дверь.

Однако через некоторое время, все с таким же высокомерием, но и с каким-то странным смирением он вновь появился на крыльце и кивком пригласил мальчика войти. Купец Гассан любил новости и решил незамедлительно выслушать странного нахального оборванца, якобы принесшего важное сообщение.

Дриан приготовился убедительно рассказать о своем видении — он уже верил, что встреча со стариком ему попросту пригрезилась. Семеня по коридору за высокомерным привратником, мальчик пытался представить, как встретит его купец.

Скоро подошли к большой резной двери. Дриан вздохнул и сглотнул тяжелый комок, давно сидевший в горле. Привратник открыл дверь, мальчик вошел и... оказался на кухне.

Несколько толстых женщин-кухарок со смехом усадили растерявшегося гостя за стол, а привратник встал почему-то у него за спиной.

Одна из женщин — самого необъятного размера — принесла два серебряных блюда. На одном — ароматно дымилось мясо, на другом — аппетитной горкой лежали фрукты.

Вечно голодный мальчик, преодолев смущение, принял за еду. Немного мешал высокомерный привратник, столбом стоявший за спиной и хранивший презрительное молчание. Но Дриан решил не обращать на него внимания и, громко чавкая, основательно набивал рот. Затем появились двое охранников — могучих воинов с тяжелыми ятаганами у пояса.

Последний кусок мяса Дриан дожевывал на ходу. Его провели его в зал, посреди

которого восседал, как на троне, седой мужчина средних лет. Высокое кресло действительно походило на трон, а богато украшенный золотыми нитями, жемчугом и бисером халат не стыдно было бы носить и королю.

Но не жемчужины на шелковом халате купца привлекли внимание Дриана. Рядом с Гассаном, на похожем кресле-троне, устроилась необыкновенной красоты женщина. Блестящие черные глаза, изогнутые в ласковом удивлении брови, выющиеся черные волосы и тонкие черты лица, словно выточенные искусством мастером из слоновой кости...

Дриан, всю жизнь считавший, что красавицы бывают только чернокожими, в этот день изменил свое мнение. Он так неприлично долго смотрел на жену Гассана, что купец потерял терпение и немного раздраженно сказал:

— Что же ты хотел сообщить мне, мальчик?

Опомнившись, Дриан низко поклонился хозяину дома.

— Господин, сегодня мне было виденье. Мне явился высокий, худой старик с длинной бородой. Похож он был на дервиша, но на пальце у него я заметил кольцо с большим рубином... Он сказал... он сказал, что через три дня потухнет солнце... Ненадолго — а потом опять загорится. И еще он велел начертить знак... — Мальчик огляделся. — На чем бы я мог его начертить? Я хорошо запомнил...

Гассан хлопнул в ладоши, и что-то сказал подбежавшему рабу.

Скоро принесли большой лист пергамента и графитовый стержень. Дриан старательно нарисовал знак, затем почтительно передал лист Гассану.

Заметно побледнев, купец долго не мог произнести ни слова. Его жена, успевшая досконально изучить все проявления чувств супруга, с тревогой спросила:

— Тебе знаком этот знак? Чей он?

Порывисто вздохнув, Гассан с трудом отвел взгляд от рисунка.

— Как странно... Это печать самого... Нет... Я потом как-нибудь расскажу... Потом...

Итилия обратила на Дриана пронзительные черные глаза.

— Ты не обманываешь, мальчик? Не шутишь? Может, ты просто решил таким образом получить несколько монет и хорошо поесть?

— Клянусь, я не обманываю! — ответил Дриан с таким жаром, что женщина смягчилась.

— Хорошо, я верю тебе. Опиши подробнее, как выглядел этот старик.

Дриан засопел, вспоминая. Затем, словно рассматривая что-то на потолке, начал рассказывать:

— Ну, высокий... Худой, в заплатанном халате... С длинной белой бородой... И глаза!.. Он смотрел прямо в душу!..

— А посох?! — перебил Гассан. — Был у него посох?

— Ну, да... Он же дервиш... Как же без посоха?

— А какой он был? Деревянный или?..

— Да, я не обратил внимания на посох... Вроде, деревянный... Хотя...

— Может, он был синего цвета? — Гассан подался вперед, на лбу у него выступили капельки пота.

Итилия с удивлением заметила, что ее муж вне себя от волнения.

— Да... возможно... — забормотал Дриан. А затем произнес уже более уверенно: — Мне кажется, он как-то переливался, блестел в солнечных лучах... .

— Посох из ляпис-лазури! — Гассан вскочил и в волнении заходил по залу. —

Посох... — бормотал он. — Посох из ляпис-лазури...

— Мальчик точно не помнит, — мягко заметила Итилия.

— Но печать!.. Посох и печать... И сам его вид... Несомненно, это он...

Женщина повернулась к мальчику и спросила:

— Что насчет солнца?.. Он сказал, что оно потухнет?

— Да, — с дрожью в голосе ответил Дриан, — но ненадолго... И еще он сказал... чтобы я передал это Гассану, что он сумеет извлечь из этого выгоду.

— Выгоду? — Купец задумался. — Да, пожалуй... пожалуй... Люди решат, что пришел конец света, и могут продать за бесценок все что угодно...

— Мне кажется, в этот момент им будет не до продаж, — возразила Итилия, — они будут молиться, каяться...

Гассан погладил аккуратно завитую, ухоженную бородку. В нем заговорил купец.

— Нужно им внушить, что спасется только нищий! Только того спасут боги, кто лишен богатства!

— А они спросят: почему именно нищих будут спасать боги? Почему не праведников, а вот именно — нищих?!

Гассан надолго задумался. Страх и волнение прошли. Теперь им владел азарт торговца.

Дриан вдруг выпалил:

— Проще верблюду пролезть сквозь ушко иголки, чем богатому попасть в рай!

Итилия и Гассан с удивлением взорвались на мальчика.

— Потому что все богачи обязательно кого-то обманывали... Иначе они не скопили бы богатств... — Поняв, что говорить такое самому богатому в стране купцу, по меньшей мере, неразумно, Дриан сник и опустил кудрявую голову.

Гассан усмехнулся:

— Не смущайся, мудрый мальчик... Ты прав.

Хлопнув в ладоши, купец призвал помощника в торговых делах — ловкого и расторопного парня по имени Киас. Прибежав, и окинув быстрым взором Дриана, Киас низко склонился перед хозяином.

Дриану не понравился этот пронырливый, сытый, с бегающими глазками, молодой негр. Не понравилось, как презрительно тот глянул на него — оборванца, посмевшего потревожить хозяина. Мальчик отошел в угол и присел на корточки, наблюдая, как проныра Киас с благоговением выслушивает приказы хозяина.

Гассан действовал разумно и быстро. В кратчайшие сроки помощник должен собрать самых сообразительных нищих и сделать из них «пророков». Заплатить, естественно, не скупясь. Нищие должны возвещать истину о богатых и бедных, о том, что проще верблюду — и так далее... Продавцов — всех, кто продавал на базарах города товары Гассана — с наступлением темноты отправить скупать драгоценности, скот, дома, рабов и все, что представляет хоть какую-то ценность...

Гассан в азарте потирал руки. Итилия задумчиво смотрела на раскрасневшееся лицо мужа. Дриан сжался в угол, бросая недобрые взгляды на пританцовывающего от нетерпения Киаса.

— Вот так! — глаза купца блестели. — Скоро я скуплю все! Все! — Он сжал кулак. — Они все станут нищими!

— И попадут в рай... — тихо напомнила Итилия.

Купец прекратил хождение по залу, жестом отпустил помощника и недоуменно взглянул

на жену.

— Что? В рай? Но это же... — Он натянуто рассмеялся: — Это же...

— Ты думаешь, мальчик сам придумал эту фразу? — негромко продолжала Итилия. — Этот мальчик, вероятно, служит тому, кого ты узнал... Тому, чью печать он нарисовал.

Гассан изменился в лице, в глазах его вновь мелькнул страх. Он подошел к Дриану и притворно ласково, елейным голосом спросил:

— А кто тебе сказал... про верблюда и иглу?.. Про ушко иглы?.. Кто?

Мальчик замотал головой. Он действительно не знал, почему вдруг выпалил эту фразу. Он и иголку-то видел только раз и никогда ею не пользовался... Верблюдов, правда, встречал часто.

— Я... не знаю... она сама, как-то... вылетела... — Он виновато смотрел в пол.

В блестящих, отполированных, аккуратно уложенных камнях искаженно отражался Гассан — обманщик, который никогда не попадет в рай.

Купец протянул руку, намереваясь погладить Дриана по голове, но мальчик в страхе отпрянул — в отражении привиделось: тянется к нему когтистая, волосатая лапа демона, а голова купца вдруг как бы отделилась от туловища и висела сама по себе, ухмыляясь искаженными, окровавленными губами.

— Не бойся, мальчик, — проговорил Гассан уже обычным голосом.

Казалось, азарт покинул его — так же, как недавний страх и недавнее волнение.

— Не бойся, — повторил он, задумчиво. — Я, пожалуй, сделаю тебя одним из помощников... Хочешь жить у меня?

Дриан, конечно, хотел. Еще бы — так вкусно, как на кухне этого купца, он не ел никогда в жизни.

* * *

Всю дорогу Конан ворчал. Даже вступив в пределы страны Куш, он не переставал выражать неудовольствие:

— Я оставил эту женщину в хороших руках! Раскаявшийся и ставший добродетельным купец, должен был стать ей хорошим, надежным мужем. Что еще надо?! Зачем мы едем??!

— Но ведь она тебя зовет, Конан, я же объяснял... — сказал Эскиламп скучным, монотонным голосом.

Хепат, ехавший на своем ленивом верблюде, как всегда последним, ухмыльнулся. Колдун имел невероятное терпение — несколько седмиц подряд убеждал Конана в необходимости путешествия! Он, Хепат, не смог бы день за днем толмачить об одном и том же! Хотя ему-то как раз безразлично, куда и зачем ехать. Лишь бы быть рядом с другом, помогать ему мудрым — в это гном не сомневался — советом или ударом кинжала. Ведь Конан не будет отрицать, что обоих демонов он убил благодаря фамильному кинжалу верного оруженосца! Друг его, конечно, великий воин, с этим никто не спорит. Пожалуй, Конан такой один на все цивилизованные страны. Да и на варварские — тоже, если на то пошло! Да и сам он — как был варваром, так и остался! И все же Хепат — верный оруженосец, не раздумывая, отдаст за него жизнь!

Гном расчувствовался и украдкой вытер глаза. Полуденное солнце жарило так, что под кожей жир, которым в последнее время оброс Хепат, казалось, плавился и шипел, точно

кусок жирного мяса на сковороде. Запах жухлой травы забивал ноздри. Вдобавок, пыль, поднятая копытами коней Конана и Эскилампа, скрипела на зубах и оседала на бороде. Но гном не отчаялся.

Через два-три дня пути должен показаться столенный город страны Куш — Кеутал. Мерзкий, пыльный городок с отвратными, чернокожими жителями! Единственное его украшение — прекрасная Итилия, которую когда-то чуть не убил, а потом выходил, вылечил Хепат — последний гном из славного клана великого Вармина.

Верблюд угодил ногой в яму, и Хепата изрядно тряхнуло.

«Ах, чтоб тебя!..»

Глаза гнома подернулись поволокой. А ведь, если честно сказать, не был Вармин великим царем! Куда там! Весь клан-то его насчитывал не больше тысячи гномов... Какое там величие?! Зачем врать самому себе?!

— Не переживай, друг мой, — услышал гном спокойный голос Эскилампа. — Оставь воспоминания, не вороши прошлое... Пусть все будет, как было!

— Да... да конечно... — закивал гном, а затем вскинулся: — Откуда ты... как ты узнал?

— Да у тебя все на лице написано, — оглянувшись, грубо хохотнул Конан. — Тут и колдуном не надо быть, чтобы понять...

— Да, друг мой, — подтвердил Эскиламп, — по лицу твоему можно читать, как по книге.

Гном насупился, затем расслабил мышцы лба, щек, и — на всякий случай — губ, хотя они надежно прятались под бородой. Теперь физиономия его стала бесстрастной, как у мудрого святого отшельника.

Конан в очередной раз оглянулся и от души рассмеялся. Эскиламп пожал плечами и одобрительно кивнул.

А сухой степной ветер по-прежнему закручивал вдоль дороги маленькие пыльные смерчи. Ночевали, как всегда, у волшебного костра.

— Хорошо путешествовать с колдуном, — усмехался Конан, — не надо собирать хворост...

— Ты еще не раз убедишься в справедливости этих слов, Конан, — спокойно сказал Эскиламп, — в будущем я принесу гораздо больше пользы.

И снова ночь у костра... Конан запрокинул голову и долго смотрел на звезды, среди которых летал, испив волшебного зелья. Что же ему явилось? Эскиламп толковал, но как-то расплывчато — в манере всех предсказателей. Можно понять и так, и этак. Итилия — неугомонная баба — убьет мужа? Его, Конана, спасет от неизвестной пока опасности некая богиня. Отведет рукой пламя... Колдун, похоже, знает, кто это... Не говорит... Толкователь!...

С востока надвигалась, закрывая полнеба, огромная туча. Звезды, жалобно мерцая, печально гасли одна за другой, поглощенные надвигающейся чернотой.

Конан прилег, закинув руки за голову. Что там еще было? Путешествие в недра? Ужасные, пожирающие друг друга монстры? И — что? К чему это?

«Тебе придется многое увидеть и многое испытать», — сказал тогда Эскиламп. — Мог бы и ничего не говорить — и так ясно!»

Вдали громыхнуло, и небо на востоке осветилось пульсирующими сполохами.

— Гроза идет, — беспокойно заметил Хепат, — не люблю я ночные грозы... Что-то есть в них тревожное...

— Да, друг мой, — серьезно сказал Эскиламп. — Уж если демоны и решат сойти на

землю, так именно с ночной грозой! Окруженные молниями, в раскатах грома!

Гном обиженно промолчал. Конан также не был расположен к шуткам. Колдун продолжал, уже без насмешки:

— Не бойтесь, на вас не упадет ни одна капля — ведь вы путешествуете с волшебником! — И, немного помолчав, озабоченно добавил: — Хотя, честно говоря, мне эта гроза тоже не нравится. Уж слишком быстро движется — а ветра нет! Обычно перед грозой ветер поднимается...

— Вот и я говорю, — пискнул Хепат, — не то что-то... Тревожно на душе.

Небольшой ветер все-таки поднялся. Закружились над костром сухие листья, потянуло прохладой. Гром теперь гремел непрерывно. Огненные вспышки то и дело распарывали черноту, на миг, осветив тревожно зашелестевшую степь.

Друзья молчали. Даже весельчик Эскиламп, казалось, приуныл и задумался. Конан слушал шуршание гонимых ветром листьев. Степь будто жаловалась на богов, решивших опалить ее молниями, оглушить громом...

Хепат пошел к стреноженным животным. Привести поближе, не то испугаются грома и — хоть и связаны у них передние ноги — разбегутся, страх сил придаст...

Медленно в ожидании ливня тянулось время. Почти непрерывные прочерки молний освещали степь. Конан видел, как Хепат торопливо ведет к костру лошадей и верблюда. Поглядывает на небо... Один раз даже кулаком погрозил... Забавный гном и хороший товарищ...

Конан вдруг напрягся. Он вспомнил еще одно виденье — промелькнувшее, как сон, неясное... Что-то связанное с Хепатом. Грозивший гибелю огонь... Прекрасная богиня... Что-то было еще... Конан с досадой стукнул кулаком по колену. Не вспомнить!.. Но, кажется, с его другом что-то случится... Не в этом походе... Может быть, потом...

На костер упали и зашипели с досады первые капли дождя. Эскиламп начал монотонно бормотать заклинания. Дождь усиливался. Хепат привязал животных к колышку и поспешил к костру. Вокруг уже стеной стояли мощные струи, но на костер не упала больше ни одна капля. Волшебник действительно знал свое дело.

Конан удивленно оглядывался и качал головой. Хепат чего-то ждал... В свете молний его бородатая физиономия выглядела особенно мрачно. Эскиламп улыбнулся, затем вновь стал серьезным.

— Что-то приближается! Конан, ты чувствуешь?

— Ничего я не чувствую, — проворчал киммериец, наблюдая за манипуляциями, которые колдун проделывал с кинжалом, неожиданно появившимся у него в руках.

Эскиламп, что-то бормоча, потирал клинок, чертил в воздухе странные знаки, затем надрезал левый мизинец и позволил нескольким каплям крови упасть в костер.

Дождь разошелся настолько, что шум ливневых потоков и непрерывные раскаты грома заглушили все иные звуки. Что-то кричал Хепат с вытаращенными глазами, быстро шевелились губы Эскилампа — возможно, он читал заклинание. Шум грозы разделил друзей. Они были рядом, но не слышали друг друга, не могли поддержать товарища вовремя сказанным словом. Теперь каждый чувствовал себя одиноким перед надвигавшимся ужасом.

— Будем надеяться, что защита выдержит, — прокричал Эскиламп.

Он говорил что-то еще... Конан рассыпал обрывки:

— Если не... тогда хлынет дождь... Значит... не выдер... Мы узнаем...

Конан поднял глаза к мутной пелене, нависшей сверху, — и внезапно его, как из бочки,

окатило холодной водой. Значит, не выдержала защита...

* * *

Третью седмицу Дриан жил в доме купца Гассана. Он успел подружиться с Киасом, который оказался не таким уж плохим человеком. Просто в торговле без обмана не прожить. Дриан это понял, помогая в делах Киасу, а иногда и самому Гассану, который за время солнечного затмения во много раз увеличил свое богатство.

Все прошло так, как и планировал хитрый купец. Люди, сбитые с толку невесть откуда появившимися нищими пророками, за бесценок продавали последнее, стараясь заслужить милость богов.

На лице Гассана все чаще играла самодовольная улыбка сытого кота, поймавшего и замучившего жирную мышь. Прекрасная Итилия, как заметил Дриан, стала избегать довольного собой мужа и часто, отослав служанок, целыми днями молча сидела своей комнате. А иногда в темных глазах женщины вдруг зажигались мрачные огни, она брала в обе руки легкие, кривые сабли и устраивала изнурительные тренировки воинам, состоявшим на службе у супруга.

В такие дни нежная, изящная хозяйка дворца неожиданно превращалась в богиню смерти и разрушения. И если бы ее учебные сабли не были обшиты толстой воловьей кожей, через несколько тренировок у Гассана не осталось бы ни одного охранника.

Выйдя на тренировочную площадку перед казармой, где жили неженатые, молодые воины, Итилия раздевалась донага и вызывала на бой всех желающих. Несколько сильных, ловких мужчин нападали на нее одновременно и через две-три секунды лежали на земле, корчась от боли. С мрачным блеском в глазах и разевающейся черной гривой волос, женщина сражалась, как разъяренная пантера. Оставляя за собой тонкий аромат духов и разгоряченного женского тела, она тенью скользила меж ошеломленных мужчин, бесполково размахивающих мечами.

Даже лежащие в пыли, превозмогающие боль воины, наблюдая за обнаженным, гибким телом грозной хозяйки, невольно испытывали странные, неуместные в битве чувства.

После тренировок Итилия заставляла раздеваться смущающихся под ее пристальным взором охранников и с едва уловимым трепетом тонких ноздрей сама обрабатывала их синяки и ссадины мазью, изготовленной придворным лекарем.

Натирая черные, мускулистые тела, вдыхая запах терпкого мужского пота, она всем естеством ощущала желание воинов... не обладать ею, нет — униженно подчиняться победительнице, госпоже, богине. Вдыхать аромат ее волос, терпеть сладостную боль, выполнять любые ее прихоти.

И иногда, прикасаясь животом или грудью к горячим телам воинов, она на долгий миг замирала, ощущая трепет избитых ею, покорных мужчин.

В один из таких дней, после особенно длительной тренировки, Итилия неожиданно послала за Дрианом. Служанки нашли мальчика и, перешептываясь, повели его в отдаленный угол сада.

Солнце клонилось к горизонту, и дневная жара уступала место вечерней прохладе. В тенистых аллеях витал запах таинственных цветов, раскрывающих бутоны только с наступлением темноты. Дриан слышал немало историй об этих колдовских цветах. Как

завораживает неосторожного путника вид их тонких, лишенных окраски лепестков. Как кружит голову их чарующий аромат, заставляя человека совершать странные и безумные поступки.

«Берегись горького медового запаха», — говорили все знающие базарные торговцы, которым Дриан иногда помогал подносить товар и уносить пустые корзины.

Именно такой запах — горького меда — окутал мальчика, едва он вступил в тенистые аллеи сада. В оплетенной выюшимися растениями беседке полулежала в кресле-качалке уставшая хозяйка дома. Дриан остановился в смущении — Итилия была полностью обнажена. Рядом валялись две обшитые кожей сабли.

— Не стесняйся, мальчик, заходи.

В полумраке глаза женщины казались темными провалами. Дриану почему-то стало жутко. Он вошел в беседку и остановился, не зная, что делать. Нужно ли в такой обстановке кланяться хозяйке или достаточно просто почтительно склонить голову? И можно ли смотреть?

Матовое белеющее тело женщины, казалось, повисло в воздухе — темное кресло исчезло в сумраке беседки.

— Расскажи мне мальчик, что велел тебе сделать старик после того, как мой супруг взьмет тебя в дом? — Голос хозяйки звучал ласково, однако Дриан безошибочно уловил в нем угрожающие нотки.

Невольно взглянув на кривые сабли, он просто ответил:

— Ничего больше он не сказал... Наверное, придет сам...

Ленивым движением женщина отбросила упавшие на лицо черные пряди, вздохнула и потянулась.

— Что-то долго он не приходит... — Она слегка раскачалась, и груди ее мягко колыхнулись в такт движениям кресла.

Дриан промолчал, невольно бросая испуганные взгляды на великолепное обнаженное тело хозяйки. Он надеялся, что в наступающей темноте не заметно, куда и как он смотрит.

— Подойди ближе! Я хочу видеть твои глаза, — Итилия, казалось, прочитала его мысли.

Дриан неуверенно приблизился на полшага. Женщина вдруг схватила его за руки и рывком поставила перед собой. Близко заглянула в глаза.

Мальчик задохнулся. От хозяйки исходил тот самый запах горького меда... И чего-то еще... Такого сладостного аромата он еще не знал... Голова пошла кругом. Как во сне он чувствовал горячие руки женщины, срывающие с него одежду...

* * *

Гассан с нетерпением выслушал ежеутренний доклад Киаса о торговых дела, и с гневом — обязательное секретное дополнение о проделках его красавицы супруги. Сжимая кулаки, он забегал по залитому утренним светом залу.

— Вначале она самолично, как рабыня, натирает мазью потных, вонючих охранников, а затем предается любовным утехам в саду! И — с кем? С ребенком! С мальчишкой, которого я приютил!

— Осмелюсь заметить, господин, — почтительно сказал Киас, — мальчик не виноват...

— Конечно, не виноват... Я его и не виню, — мрачно проговорил Гассан, — но я все

равно отрубил бы ему голову, если б не... Словом, пока... я не могу доставить себе такую радость.

Небрежным движением руки купец отпустил помощника и надолго задумался.

* * *

«Значит, не выдержала защита», — подумал Конан и проверил, легко ли выходит из ножен меч.

Вмиг друзья промокли до нитки. Но теперь это мало кого беспокоило. Надвигалось нечто страшное. С грозой пришел кто-то настолько могущественный, что легко сломал защиту, с такими ухищрениями воздвигнутую Эскилампом.

— Берегитесь, — прокричал колдун, — сейчас оно появится! Нам нужно... — Дальнейшие слова его потонули в грохоте ужасной грозы.

Как ни странно, костерок не потух. Плюяясь и разбрызгивая искры, он упорно боролся с ливнем. Конан поймал взгляд Эскилампа, указал на костер и улыбнулся. Колдун улыбнулся в ответ и кивнул. Костер борется. Не все так страшно. Какой бы ужас ни надвинулся на них из темной грозовой пелены, они будут бороться!

И даже совсем приунывший, было, Хепат отбросил мокрый капюшон и решительно поднял голову, положив руку на резную рукоять кинжала.

Конан стянул мокрую одежду — будет только мешать — и стоял у костра, обнаженный по пояс, с мечом в руке. Струи хлестали по его великолепному торсу, бронзовому от загара и блестящему от влаги. Он стоял — готовый к любой неожиданности, спокойный и уверенный в себе варвар, вся жизнь которого была сплошным сражением.

Глядя на друга, Хепат с блеском в глазах поднялся и встал рядом, но чуть позади — где и должен находиться оруженосец, готовый в любой момент прейти на помощь.

Эскиламп сбросил промокший плащ и остался в тонкой, расписанной странными знаками шелковой рубашке. Держа в правой руке кинжал, а в левой — ножны, он спокойно занял место рядом с Конаном.

От непрерывного грохота закладывало уши, молнии хлестали особенно злобно, но... как бы остановившись поодаль, не приближаясь. Сквозь мутную пелену дождя друзья разглядели огромный, увенчанный молниями силуэт.

— Вот оно! — срывающимся голосом крикнул колдун.

Огромные мышцы Конана вздулись, он принял боевую стойку... и с изумлением, опустил меч.

Из тумана, внезапно заклубившегося там, где сверкали молнии, к ним вышел высокий, худой дервиш. Длинный, заплатанный халат его был совершенно сухим, даже пыльным. Седая борода закрывала большую часть лица. Опирался странный старик на посох, искусно выточенный из синего камня, а на пальце его сверкал огромный рубин.

Остановившись на расстоянии нескольких шагов, дервиш воздел руку, и гром мгновенно стих. Вслед за ним в течение нескольких секунд утих дождь.

— Теперь мы можем спокойно поговорить, — старик зорко оглядел стоявших у волшебного костра друзей.

— Нанна... — прошептал Эскиламп. — Старейший среди Скитальцев.

Конан вложил меч в ножны. Хепат, дрожащими руками спрятал кинжал. Эскиламп тоже

собрался убрать кинжал, но старик жестом остановил его.

— Я узнаю этот клинок. Один из нас, воплотившись на Земле, дал ему силу... Это слишком грозное и опасное оружие — ему не место среди смертных.

Эскиламп с низким поклоном протянул кинжал Скитальцу.

— Нет, еще не время... Носи его, но помни — малейшая ошибка, и ты превратишься в пепел!

— Я это знаю, о, великий Нанна, — Эскиламп вновь поклонился.

Старик внимательно посмотрел в глаза колдуну.

— Ты знаешь мое имя... Что ж, тем лучше. Слушайте, что вам надлежит сделать...

* * *

Гассан смотрел на мальчика взглядом кобры.

— Как смел ты, щенок, коснуться госпожи?! — Перед глазами Дриана мелькнули сведенные судорогой пальцы купца. — Ты знаешь, какую казнь я тебе придумаю?!

Мальчик заплакал. Он познал женщину, но по-прежнему оставался ребенком. Гассан заскрежетал зубами. В нем боролись жалость и злость. Чувство справедливости и желание разорвать щенка на части. Шумно дыша, он метался по комнате. Дриан сквозь слезы наблюдал за разгневанным хозяином, и опять ему показалось, что голова купца странным образом отделена от туловища

— Я отрублю головы вам обоим! — зашипел Гассан, но вдруг смутился и застонал.

В зал стремительно вошла Итилия. Полы ее утреннего шелкового халата развевались, открывая взорам мужа и мальчика почти полностью обнаженное тело. В каждой руке женщина держала по легкой, кривой сабле. Изогнутые клинки рассыпали по комнате солнечные зайчики.

Гассан побледнел. Он хорошо знал буйный нрав жены. Некоторое время супруги стояли молча. Черные молнии в глазах Итилии не оставляли надежд на мирное разрешение конфликта.

Дриан заметил испуг хозяина, когда женщина бросила ему одну из сабель. Увидел, как дрожат пальцы, судорожно обхватившие эфес и неожиданно для себя властно и спокойно сказал:

— Остановитесь!

Приготовившиеся сражаться супруги удивленно опустили сабли.

— Остановитесь! — Дриан говорил чужим голосом.

От ужаса он вытаращил глаза. Гассан гневно задохнулся, хотя в глубине души и надеялся, что мальчик как-то помешает дуэли.

— Вспомни мою печать и внимай, — продолжал Дриан.

Глаза его теперь были закрыты, лицо бесстрастно, как у спящего.

— О боги!.. Это Нанна... Великий Странник! — прошептал Гассан.

Он выронил саблю и упал на колени. Итилия растерянно смотрела на Дриана, впавшего в сонное состояние.

— Я позволил тебе сказочно разбогатеть, обманув жителей Ксутала, — продолжал Странник устами спящего мальчика, — на эти деньги ты соберешь самую большую в истории вашей страны армию. В соседних землях, которые вы называете «Черные Королевства»,

живет колдун по имени Мраава. У него хранится талисман — небольшой, черный камень. Колдуна необходимо убить, а талисман уничтожить. Достаточно расколоть его на две части, и волшебная сила исчезнет. Но сделать это может только смертный. Поэтому мне нужны вы.

Но не думайте, что Мраава не окажет сопротивления. Прежде всего, он соберет собственную армию и выступит вам навстречу. Кроме того, он опасный колдун, да к тому же владеющий талисманом... Но скоро к вам прибудет не менее сильный колдун, также имеющий старинный талисман. Вместе с ним прибудет тот, кто возглавит войско и приведет вас к победе.

— Но... зачем уничтожать талисман? — прошептал Гассан. — Может быть, лучше...

— Талисман необходимо уничтожить в ближайшее время, иначе мир ждут великие потрясения! Вы еще не готовы владеть такой силой... А возможно, и никогда не будете готовы. В будущем, вероятно, придется отнять у смертных все волшебные артефакты...

— То есть, в будущем — волшебство исчезнет? — спросила Итилия.

— Это произойдет еще нескоро... Пока равновесие должны поддерживать чародеи... Но настанет день, и мы удалим волшебство из вашего мира. Последствия сейчас трудно рассчитать... В любом случае, гибель человечеству грозит постоянно...

— Волшебство исчезнет... — Итилия задумчиво покачала головой. — Я знаю одного человека, который этому бы очень обрадовался!

— Этот человек скоро будет здесь! Он и возглавит армию.

Дриан медленно открыл глаза. Постепенно взор его стал осмысленным, и он очень удивился, увидев хозяина, стоящего перед ним на коленях.

* * *

Конан облезжал бесконечные ряды воинов. На вороном жеребце, в полном боевом доспехе, киммериец выглядел настолько внушительно, что даже скромные на похвалу наемники сопровождали его гулом одобрения. Хепат, следовавший за другом на солнном верблюде, старался не замечать ухмылок солдат, заметивших, наконец, верного оруженосца.

Гассан остался в шатре, разбитом на небольшом холме, откуда можно было видеть собранное наспех воинство. Реальную силу представляли одни лишь наемники — закаленные в боях, мрачные убийцы, за хорошие деньги и возможность пограбить, продающие свои умения и мечи. Остальная часть армии — ополчение из крестьян и ремесленников — набиралась купцом, скорее, для виду: авось, издали враг и не заметит, что вместо мечей у большей части солдат — вилы и плотницкие топоры.

Выйдя из шатра, Гассан оглядел армию и с недовольным ворчанием уселся в походное кресло, услужливо поставленное рабами в тени шатра. Итилия задумчиво раскачивалась в любимом кресле-качалке.

Солнце клонилось к закату, а Конан все еще облезжал нестройные ряды воинов. Колдун Эскиламп, усевшись на траву, весело болтал с Киасом, нарядившимся по случаю войны, в длинную, медную кольчугу, отливающую в лучах закатного солнца неприятным кровавым цветом.

— Непохож он на колдуна, — недовольно проворчал купец, с презрением кивнув в сторону Эскилампа.

— А ты видел его кинжал? — Итилия с усмешкой смотрела на мужа.

— Видел... и — что? Старинный...

— От него сила исходит! Я сразу почувствовала. Да и сам он, этот юный колдун — непрост. Смеется, а глаза острые...

Гассан нехотя кивнул. Он различал, конечно, внутреннюю силу приехавшего с Конаном волшебника. Но хотелось почему-то ворчать, ни с кем не соглашаться, брюзжать...

«Может, потому, — размышлял купец, опустив голову, — что появился Конан? Что «верная» жена Итилия так часто смотрит на него, раздувая тонкие ноздри, словно породистая кобыла? Что этот черный мальчишка — Дриан — постоянно вертится под ногами, напоминая своим видом о задании Странника?

Как было бы хорошо — просто жить! Ни с кем не воевать, не искать волшебные камни-амулеты... Просто жить в большом, хорошем доме с красивой, верной женой... А если жена будет неверна — отрубить ей голову и завести гарем! Почему — о боги! — почему он до сих пор не завел гарем»?

Гассан вскочил и в волнении забегал перед входом в шатер. Почему он, как идиот, хранил верность этой шлюхе? Этой... этой...

Он невольно глянул на Итилию и смутился. Полные иронии, черные глаза супруги смотрели прямо в душу. Проникали, как всегда, в самые ее потаенные уголки.

«Не могла она догадаться про гарем, — поспешил отвернувшись, подумал Гассан. — Не могла... но догадалась!»

Эскиламп, оставив Киаса, подошел к купцу.

— Ты чем-то озабочен, господин? — Колдун был убийственно вежлив и так же убийственно снисходителен.

— Нет... ничего особенного... — Гассан поворотил носком сапога пожухлую траву. — Думаю вот, не завести ли мне гарем?

Эскиламп удивленно посмотрел на купца, затем перевел взгляд на скучающую Итилию, и покачал головой.

— Я думаю, она тебе не позволит этого, господин, — в глазах колдуна теперь светилось сочувствие и понимание.

Гассан прокашлялся и, понизив голос, сказал:

— А нельзя... как-нибудь... Словом, сделать так, что бы она... не изменяла?..

Эскиламп отыскал глазами мальчишку и кивнул. Купец поразился осведомленности волшебника. Казалось, тот знает все и про всех, читает самые потаенные мысли.

Он уже пожалел, что обратился к колдуну с такой унизительной просьбой.

— Как только мы выполним задание великого бога луны и будем свободны от обязательств перед ним, я с удовольствием займусь твоей супругой, господин, — с легким поклоном сказал Эскиламп.

Гассан, насупившись, молча повернулся и вошел в шатер. Двусмысленной фразой Эскиламп поверг его в смущение. И вдобавок напомнил о необходимости уничтожить проклятый талисман. Он прав! Не о гаремах и не о верности шлюхи-жене нужно сейчас думать... Где там Конан? Выступать нужно, пожалуй, завтра на рассвете!

* * *

Деревня состояла из нескольких кривобоких мазанок. Сплетенные из гибких прутьев и

обмазанные глиной хижины теснились у самой границы пустыни. Но, как ни странно, к этому небольшому поселению тянулась широкая, наезженная дорога. Заканчивалась она на небольшой площади посреди деревни. Дальше не было ни дорог, ни тропинок — за последними жалкими строениями начиналась Великая Пустыня, простиравшаяся, как известно, до конца света.

Из высокой хижины вышел худой, словно высушенная мумия, черный, как головешка, маленький, как обезьяна, и сморщеный, как зад крокодила, человек. На шее его висел небольшой, отполированный до блеска, черный камень.

Человек стремительно прошел на средину площади и воздел руки. Из соседних мазанок к нему потянулись жители селения — молодые, крепкие мужчины, гибкие, грациозные женщины, седые, сгорбленные старики и орава детей самого разного возраста. Все это были родственники человека с камнем на шее. Его братья, сестры, дети, внуки, правнуки и праправнуки, ибо очень стар и очень мудр был худой, сморщенный человек — великий колдун Мраава. Он мог вызвать дождь, воскресить мертвого, наслать порчу, заставить любого правителя униженно ползать перед ним на коленях.

И конечно, он мог бы, если захотел, жить во дворце, но предпочел хижину почти на самом конце мира. Севернее и западнее располагались большие города, и в каждом был свой царек, имеющий в распоряжении, хоть небольшую, но армию. Но все они — и цари, и вожди полудиких племен — приходил на поклон и нему, великому колдуна Мрааве. Это он, владелец талисмана объединял страну, не позволяя местным властителям враждовать, истреблять попусту свой народ.

Люди должны плодиться! Женщины — рожать воинов, мужчины — готовиться к великой войне и обучать юношей.

И когда настанет день, все Черные Королевства двинутся на север — завоевывать мир! И никто, ни одна армия не устоит перед силой талисмана и силой духа великого колдуна! Падут северные города и царства, настанет день великого торжества, и он, Мраава, разбудит всесильного и ужасного Ктулху, повелителя мира. И величайший из Древних, спящий до поры в подводном городе Р'лиех, вновь будет властвовать над этим жалким миром. А рядом с ним, обретя космическое величие, всегда будет его верный раб и помощник — Мраава.

Но день еще не пришел. Его народ, не готов к великой войне. А проклятый всеми служителями Ктулху главный из Странников, бог луны — Нанна выслал армию для захвата и, вероятно, уничтожения талисмана.

— Идите во все города! — кричал Мраава. — Доберитесь до самых дальних пределов! Пусть все цари, все вожди дадут мне лучших воинов. Я должен собрать великую армию! Идите и скажите — близится конец нашего мира! И только я могу помочь! Только я и наш талисман — залог благополучия и богатства.

И побежали, побрали, поковыляли в разные стороны родственники колдуна собирать великую армию для разрушения коварных замыслов бога Нанны, главного и старейшего из плеяды Странников.

Огромная армия, поднимая клубы пыли, медленно двигалась на юго-восток. Конан, Хепат и Эскиламп ехали во главе конного отряда наемников — главной ударной силы войска.

За конниками нескончаемыми ровными колоннами двигалась легковооруженная пехота. И уж в самом конце нестройными рядами шествовало ополчение. Позади армии шестерка великолепных лошадей тянула огромную повозку, в которой под балдахином возлежали купец Гассан и его красавица супруга. Покой хозяина охраняли многочисленная челядь и

отряд телохранителей. Очень мешала пыль. Гассан ругался и чихал, но не желал ехать в авангарде армии — полководец, коим он себя вдруг вообразил, должен обозревать армию и возможный театр военных действий.

Итилия, когда лежать под балдахином становилось невмоготу, вскакивала на коня и, чувствуя неодобрительный взгляд супруга, мчалась вперед. Втискиваясь между Конаном и Эскилампом, она жадно слушала долгие рассказы колдуна о свойствах волшебных артефактов или отрывистые, ни на что не похожие песни гномов из клана Вармина в исполнении Хепата. А когда друзья умолкали, просила Конана рассказать о любовных приключениях последнего времени. Киммериец, по простоте душевной, поведал пару историй, за что был награжден гневным, ревнивым до безумия, взглядом разъяренной фурии.

Последняя ночь на территории страны Куш выдалась неспокойной. У костров возбужденные ополченцы переговаривались и спорили до утра. На следующий день предстояло вторгнуться в чужие пределы. Для многих это было внове. Кто-то судорожно принимался точить топор, кто-то радостно доказывал, что из походов все возвращаются богачами. Другие, более разумные, возражали — самим бы вернуться, какое там богатство...

Уже под утро со всех сторон вдруг раздался волчий вой. Затем рычание, визг, стоны. Лагерь был атакован сотнями, тысячами волков. Звери, совершенно не страшась огня, бросались на людей. Многие падали в костры вместе с воинами, которым они намерто вцеплялись в глотки.

Ополченцы с вытаращенными глазами в панике метались между костров, преследуемые обезумевшими зверями. Наемники, за несколько минут очистив от волков свою территорию, бросились помогать бывшим крестьянам и ремесленникам.

К утру все становище было усеяно волчьими трупами, а половина ополченцев получила серьезные покусы, и возможность их дальнейшего участия в военных действиях вызывала серьезные сомнения.

Конан осмотрел с десяток раненых и заметил, что волки, если не удавалось вцепиться в горло, старались разодрать у человека правую руку.

— Несомненно, этих милых животных направлял наш друг Мраава, — бесстрастно произнес Эскиламп.

— Да, им приказали убить или вывести из строя. Покусать правую руку...

Конан мрачно огляделся. Около сотни ополченцев лежали с разорванным горлом, другие корчились от боли.

— Значит, черный колдун уже знает о нашем приближении? — спросил Хепат

— Он знает о нас все! — резко ответил Эскиламп.

Прибежал запыхавшийся Дриан:

— Господин, беда! Беда! — Он указывал на шатер Гассана, установленный, как всегда, на небольшом возвышении.

— Беда! — повторил мальчик, отдышавшись. — У господина отрублена голова, а жена его исчезла...

Крепко выругавшись, Конан поспешил к шатру. Выли служанки, мрачно и растерянно бродили телохранители. Поодаль валялись несколько десятков волчьих трупов — охранники поработали на славу.

Конан и Эскиламп, а за ними Хепат и Дриан вошли в шатер. Бросился в глаза беспорядок — перевернутый столик, опрокинутые кувшины, лежащее на боку кресло. У походной кровати своего господина понуро стоял Киас. Обезглавленное тело купца он

заботливо уложил на пропитанную кровью простыню.

— А где его голова? — Конан с недоумением огляделся.

— Голова... она... — В глазах юноши стояли слезы. — Ее... бросили волкам. Они ее начисто обгладали...

Хепат присвистнул, а Дриан закрыл лицо руками. Эскиламп же только задумчиво понурился, будто соглашаясь с невидимым собеседником.

— Начальника охраны ко мне! — гаркнул Конан.

Высокий негр могучего сложения вошел в шатер и с достоинством поклонился.

— Рассказывай!

— Мы несли службу, как обычно. Господин и госпожа собирались отойти ко сну. Все было тихо. Когда напали волки, мы окружили кольцом шатер и отражали атаки. Ни волк, ни человек не могли пробраться к хозяину. Это сделала... его убила... сама госпожа.

Охранник замолчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Ну! Говори! — нетерпеливо бросил Конан.

Негр опустил голову и продолжал:

— Она не любила нашего господина... изменяла ему... Почти каждый из нас... — Главный телохранитель смущенно закряхтел.

— Вот как? — насмешливо проговорил Эскиламп — А часто они ругались из-за этого?

— Бывало... Но хозяин ее боялся. Очень уж она была... как бы это сказать... бешеная, что ли... И в любви — тоже.

— Если вы стояли вокруг шатра — как же она сумела убежать? — Конан был мрачен и подозрителен.

Рассказы о распутстве Итилии оставляли неприятный осадок. С некоторым удивлением он обнаружил, что эта странная женщина до сих пор ему не безразлична.

— Я не знаю, куда она делась! Должно быть, выскоцила, когда мы отбивались от волков! — четко ответил начальник охраны.

Чувствовалось, что этот вопрос телохранителями уже обсуждался.

— Ты ведь сам не веришь в то, что говоришь, — вкрадчиво начал Эскиламп. — Я колдун и могу заставить тебя сказать правду! Подумай об этом.

Негр тяжко вздохнул и, помедлив, промолвил:

— Исчез один из наших... Лучший воин. Я думаю, они...

— Ясно! — Конан кивнул, жестом отпустил охранника и, отвернувшись, задумался.

Хепат подошел к нему и потянул за палец.

— Я думаю, у нее были причины убить купца. Вспомни, как Гассан служил кровавому богу Мбомбо, лик которого проступал на потолке! Скольких рабов он принес в жертву!.. Возможно, он и сейчас... — Гном с надеждой глянул на Эскилампа.

— Да, — кивнул колдун, — вполне возможно, что на нашего друга оказал пагубное воздействие другой наш приятель — тот, чей талисман мы собираемся уничтожить.

— Вот видишь, Конан! — радостно воскликнул гном. — Она ни в чем не виновата! Она вынуждена была!

— Да что ты меня утешаешь?! — рявкнул Конан.

И, глянув в грустные глаза друга, уже мягче продолжал:

— Возможно, и вынуждена... А, возможно... Ты ведь знаешь, кем она была раньше... Убийцей на службе у... — киммериец посмотрел на Эскилампа. — У Актиона, наставника нашего колдуна! Может, она вспомнила, чему ее учили с самого детства?

Хепат опустил голову. Эскиламп же, напротив, услышав имя своего наставника — оживился.

— Да, Акцион умел воспитывать нужных людей! И не только людей! Если б вы знали, какие еще существа ему служили! При всех его недостатках, это был великий человек и сильный волшебник.

Затем, выглянув из шатра, колдун добавил:

— Солнце уже высоко, давно пора выступать. Я советую челядь отправить домой вместе с ранеными ополченцами, а телохранителей оставить при себе — посмотреть, каковы они в настоящем бою.

— Я так и сделаю, — сказал Конан, — а выступим сразу, как похороним убитых.

* * *

Колдун Мраава, как черная статуя, восседал на носилках. Четверо сильных мужчин, стараясь двигаться ровно и плавно, чтобы не прогневить великого мага, несли его среди леса колыхающихся копий. Великое черное воинство готовилось к выступлению. Горели хитро устроенные в ямах костры — с длинными дымоходами, на конце которых коптилось мясо буйвола — лучшая еда для воина в походе.

Вокруг других костров — обычных — плясали местные колдуны, разжигая в мужчинах страсть к битве и к женщине. Проводить мужей на великую войну пришли многие молодые жены — те, чья красота и грация еще не увяли, чьи танцы могли возбудить самые дикие, первобытные инстинкты человека — убивать и совокупляться.

На утро великий Мраава назначил выступление, и черные колонны мускулистых воинов с рассветом будут готовы двинуться навстречу врагу. Но ночь — последняя ночь перед походом — принадлежала колдунам и женам. И с наступлением темноты запылали костры, источая едкий дым волшебных снадобий. Колдуны, приплясывая и выкрикивая заклинания, бросали и бросали в огонь заранее заготовленные, плотно увязанные пучки травы. Жадно вдыхали сизый дымок воины, обступившие костер, и дикое веселье наполняло их сердца. Тянулись к костру жены, стоящие именно там, куда ветерок относил волшебный дым.

И туманились глаза у молодых женщин, глубже и чаще дышала их грудь, становилось легким, невесомым, воздушным гибкое тело. И хотелось танцевать, петь, извиваться в сладостном ритме тамтамов, и любить, любить подряд всех воинов, отправлявшихся добывать великую славу.

Мраава приказал носильщикам остановиться у одного из самых больших костров. Удобно устроившись на подушках, невидимый в темноте, он с одобрением наблюдал за действиями местного мага.

Еще молодой, но, судя по быстрым, уверененным действиям, опытный колдун, бросал в огонь травы, бормотал, а временами — выкрикивал заклинания, приплясывал, — словом, проделывал все, что требуется в таких случаях.

И вот, над огромным, невиданным доселе скопищем людей разнеслись пока еще тихие удары тамтамов. Мужчины отодвинулись от костра, уступая место женщинам.

Барабаны зазвучали громче, и жены молодых воинов, содрогаясь в такт сладостным звукам, цепочкой двинулись вокруг костра.

Частота ударов увеличилась, и теперь даже Мраава ощутил острое желание танцевать,

извиваться, биться в едином для всех ритме.

Мужчины приплясывали, ритмично напрягая мышцы живота и ног. Женщины двигались по кругу. Их тела, блестящие в свете костров, округлые и гибкие, находились в постоянном движении. Ритм невидимых в темноте тамтамов пронизывал каждую клеточку тела.

Из темноты выскочил местный колдун и, извиваясь змеей, стал в бешеном ритме проделывать характерные, естественные движения тазом, поочередно прикасаясь к каждой из танцующих женщин.

Мужчины не выдержали напряжения и, двигаясь в общем ритме танца, устремились к костру. В огонь полетели набедренные повязки.

Невероятная энергия колдуна доводила танцующих до безумия. Женщины также метнули в пламя набедренные повязки, и теперь черные, блестящие от пота, обнаженные тела воинов и их жен, бесновались в переменчивом свете.

Вокруг каждой женщины содрогались в танце не менее десяти-пятнадцати мужчин. Тамтамы выдавали самый быстрый ритм, на который были способны опытные, закаленные в празднествах барабанщики.

Мраава горящими глазами наблюдал за происходящим. Дергающимися движениями мужчины подходили к женщинам и, как бы в изнеможении, откатывались назад. Колдун неистовствовал. За короткое время он успел коснуться каждой женщины — каждой жены, давно потерявшей из виду своего мужа. Прикосновения колдуна производили невообразимый эффект. Запах его пота доводил женщин до исступления. Они ощущали себя львицами, пантерами, самками леопарда. Выгибаясь, они наклонялись, царапая ногтями землю. Мужчины, орошая потом выбранную ими женщину, с рыком бросались к ней и со стенами отступали. Но с каждым разом отступление было короче, а натиск активнее.

Мраава, конечно, знал, чем заканчиваются подобные празднества, но ощущал удивившее его самого желание досмотреть все до конца.

В свете догоравшего костра метались черные тени, слышался пронзительный голос колдуна, выкрикивающего заклинания, сладостные крики женщин, рычание мужчин. Теперь уже никто не танцевал. Возбуждение достигло последней стадии и требовало немедленного выхода. На каждую жену воина приходилось не менее десятка мужчин. Мраава знал, что после этой ночи женщины долгое время не смогут даже думать о любовных утехах. И в этом был большой смысл, ибо мужчины надолго покидали молодых жен. А многие — навсегда отправлялись в страну духов.

Мраава преклонялся перед мудростью предков, завещавших живым такие нужные, полезные обычаи.

Впав в сладостное оцепенение, он наблюдал завершение праздника. А спустя долгое время, приказал опустить носилки и, тяжело дыша, ощущая растекающееся внизу живота тепло, нетвердой походкой подошел к костру. Все закончилось. Вокруг каждой женщины, без сил, вповалку лежали воины. Никто не шевелился. Переступая через неподвижные тела, Мраава выбрал себе женщину — молодую, стройную, с детским лицом, на котором застыли одновременно и торжествующая улыбка, и гримаса отвращения.

Наклонившись, великий колдун долго всматривался в детские черты женщины — чьей-то жены, ставшей сегодня женой многих сильных, неистовых в страсти воинов. И содрогнувшись всем телом, не в силах более себя сдерживать, колдун с громким стоном упал на распростертое перед ним неподвижное тело.

В армии Конана теперь царил образцовый порядок. Большинство ополченцев решили уехать вместе с ранеными. Конан не препятствовал — необученные ремесленники были только обузой. Гассан набрал их для массовости, не понимая, что большая, но неповоротливая, подверженная панике армия гораздо хуже маленькой, но хорошо организованной и мобильной. Именно такую — небольшую, состоящую из опытных воинов армию — и вел теперь Конан в сердце загадочной страны под названием Черные Королевства.

Солнце еще не коснулось горизонта, а Конан объявил привал. Засветло заготовили сушняка для костров. Выставили усиленные дозоры, выслали в разных направлениях опытных разведчиков. Эскиламп развел свой волшебный костер и что-то долго бормотал над ним, бросая в огонь щепотки разноцветных порошков. Хепат издали наблюдал за манипуляциями колдуна, не решаясь спросить, что же он затеял.

Конан, окруженный бывшими телохранителями Гассана, объезжал посты. На душе было неспокойно. К ночи усиливался ветер, солнце садилось в тучу. Следовало ждать ночную грозу. А учитывая способности Мраавы, можно было предположить, что гроза придет не простая.

— Что он придумает на сей раз? — бормотал под нос Конан. — Будет хлестать нас молниями?

Вернувшись к шатру, в котором подобало ночевать командиру, киммериец остановился у костерка, над которым в неестественной позе застыл Эскиламп. Поодаль стояли Хепат и Дриан, а за ними возвышался Киас в надраенное до солнечного блеска медной кольчуге.

Троица выглядела до того забавно, что Конан невольно усмехнулся. Самым маленьким и самым старшим был гном — с окладистой бородой, крючковатым носом, с бесстыдно вылезшими напоказ бородавками и сердитым взглядом. Он заметил усмешку друга и слегка обиделся.

Рядом стоял самый младший — черный мальчик Дриан — на голову выше пожилого гнома, с тонкими, худыми ножками и копьем в руке. И великаном выглядел рядом с ними помощник покойного Гассана — Киас. Казалось, что эти трое некой высшей силой собраны из разных эпох для выполнения задания. Впрочем, задание у них действительно есть...

Конан задумчиво поскреб гладко выбритый подбородок. Со смертью Гассана и исчезновением Итилии перед ним встал еще один вопрос — финансовый. Насколько было известно, купец выдал наемникам задаток, пообещав основную сумму выплатить по окончании похода. Кто теперь станет распоряжаться богатством Гассана, было совершенно неясно. Возможно, все перейдет в казну правителя... Но, приняв армию под свое командование, Конан автоматически принимал на себя и долги Гассана. Сложное и скверное положение...

Неслышно подошел Эскиламп. Крайне усталый вид всегда бодрого и веселого колдуна удивил Конана.

— Я встретился сейчас с Мраавой. Хотел узнать его планы. Это очень сильный колдун! Очень... Я едва выдержал его атаку...

Эскиламп в изнеможении опустился на землю. Конан присел рядом.

— Ну и... Узнал ты его планы? Что он придумает этой ночью?

— Он уже придумал. Ночь у нас будет веселая... Я, правда, сумел его на некоторое время обезвредить, так что непосредственно руководить ими он не сможет...

— Кем руководить? — нетерпеливо спросил Конан.

— Армией зомби...

* * *

С воплями бежали оставшиеся ополченцы. Киас в своей отливающей медью кольчуге, закрыв голову руками, в страхе содрогаясь всем телом, лежал на земле. На армию Конана надвигался ужас. Полусгнившие трупы, распространяя смрад и роняя остатки плоти, дергающимся шагом шли в атаку. Каждая костяная рука сжимала меч, на каждом оскаленном черепе плотно сидел измазанный в земле шлем. У многих были щиты и копья.

Но не вооружением брали эти давно погибшие воины. Они побеждали страхом. Великий Мраава редко использовал армию зомби. Только в самых крайних случаях, когда проиграть войну было равносильно личной смерти. Смерть воинов колдуна не трогала... Значение имела только угроза его драгоценной жизни. И только в этом случае он призывал на помощь армию мертвецов. И платил за это частью своей жизни.

Нынешней ночью колдун решился вновь вызвать зомби. Слишком велика была ставка — его жизнь и сохранность талисмана, а значит, и возможность пробуждения великого Ктулху.

И шли в атаку мертвецы, скаля в вечной усмешке гнилые зубы, и в страхе бежали перед ними живые...

Но суровые наемники не дрогнули. Стройными, сомкнувшимися рядами встретили они скопище гнили. Не дрогнул и Хепат, сражаясь рядом с Конаном, хотя и бледно было его лицо, и слегка дрожали руки.

— Как они держатся — кости? Почему не распадутся? Ведь у них все сгнило! — кричал гном, перекрывая шум битвы.

— Колдовством держатся, проклятье! — рявкнул Конан, круша своим огромным мечом наседавших мертвецов.

Уже целая груда мерзких шевелящихся костей лежала перед ним, а зомби все лезли и лезли, размахивая ржавыми мечами. Краем глаза киммериец заметил, что изрядно потрепанные наемники, теснимые мертвецами, медленно отступают. Хепат что-то кричал, показывая направо и налево. Конан понял, что возникла угроза окружения. Приходилось, отмахиваясь мечом, отходить вслед за наемниками. А зомби напирали, лезли, упрямо продвигались вперед — так велел разбудивший их колдун Мраава.

Вскоре Конан с оставшимися наемниками оказался в окружении. Образовав круг, воины стояли насмерть. А вокруг колыхалось море мертвецов. Мраава поднял из земли всех, кого смог. И бесчисленные легионы зомби теснили оставшуюся в живых горстку мужественных воинов

В центре круга, ссутулившись, стоял Эскиламп, нараспев читая заклинания. Хепат также вышел из битвы — теперь он ничего не мог сделать со своим кинжалом. Конан сражался рядом с капитаном наемников — пожилым воином, заметно уставшим и уже с трудом отражавшим удары ржавых мечей наступающих зомби.

Киас, устыдившись своего малодушия, встал в ряды сражающихся и, получив проникающий удар в живот, упал под ноги мертвецов. Смерть его была ужасна —

истекающего кровью юношу затоптали костяные ноги трупов, обутые в тяжелые сапоги.

Чернокожий мальчик Дриан, не успевший убежать вместе с последними ополченцами, жался к Эскилампу и Хепату. Волшебник, содрогаясь, он напряжения, выкрикивал самые страшные заклинания из своего арсенала. И постепенно удары зомби становились слабее, натиск стихал. Мертвецы все чаще падали на землю, роняли мечи и копья.

С последними словами заклинания, Эскиламп, вместе с поддерживающим его Хепатом, без сил рухнул на землю. Но падали и зомби. Последние из них, вяло размахивая мечами, пытались атаковать Конана, но мгновенно были превращены в груду костей.

Хепат кричал в самое ухо бесчувственному Эскилампу — сообщал радостную весть о победе. Колдун с трудом поднял голову и слабо улыбнулся. Утирая пот, Конан оглядел ряды оставшихся в живых воинов. Горстка израненных, уставших, пеших солдат... Те, кто не успел спешиться и сражался верхом, погибли в первую очередь. Кони пугались смердящих зомби и сбрасывали седоков...

Пал в схватке капитан наемников, полегли все до единого телохранители Конана. Сам киммериец получил несколько легких ранений — Хепат наложил мазь и перевязал его раны.

Нечего было и думать продолжать поход за волшебным талисманом — следовало как можно скорее убираться из этой страны, где воюют даже мертвые.

* * *

Перевязав раны, воины ловили разбежавшихся лошадей и готовились к бесславному возвращению на родину, когда Дриан закричал:

— Смотрите! — И в этом крике было столько отчаяния, что сердце Конана дрогнуло.

На горизонте показалась армия чернокожих воинов Мраавы. Это приближалась верная гибель. Израненные наемники, несмотря на умение сражаться и мужество профессиональных воинов, не смогут долго продержаться против свежего войска, возглавляемого, к тому же, великим колдуном — обладателем талисмана.

— Садитесь на первых попавшихся коней и скачите! Мы их задержим. Всем не убежать... — Конан помог подняться Эскилампу.

— Нет, — прохрипел колдун, — я должен восстановить силы и противодействовать Мрааве.

Он выхватил кинжал. После ночного боя с армией зомби прошло несколько часов. Взошло солнце, и в его лучах ослепительно засверкал волшебный клинок Эскилампа.

— Мне нужна кровь... Кровь, отворенная на заре кинжалом, даст силу...

Конан молча протянул руку.

— Нет! — крикнул Хепат. — Тебе нельзя терять больше крови! Возьми мою! — Он повернулся к волшебнику и закатал рукав.

Незаметно мелькнул клинок над веной гнома, и Эскиламп, как вампир, поспешно припал к ране. Напившись свежей крови, он закрыл глаза и прилег, вытянувшись и расслабив мышцы.

Бледный Хепат сел рядом. Дриан, в ответ на грозный взгляд Конана, покачал головой. Он тоже решил остаться и разделить общую судьбу.

Наемники готовились к смерти. Каждый помолился своему богу и поцеловал висевший на шее талисман.

— Круг! — крикнул Конан, и солдаты встали плечом к плечу, образовав пока еще довольно большой круг.

С грустью представил себе киммериец, как будет уменьшаться это кольцо, пока последние воины не падут под ударами дикарей...

Черные, как головешка, полуголые воины армии Мраавы, нахлынули, точно морской прилив. С визгом, потрясая копьями, они неустранимо бросались на мечи наемников. Они умирали сотнями, но их были тысячи. Воля колдуна заставляла дикарей с пеной у рта бросаться в атаку и чаще всего погибать, не успев нанести ни одного удара. Но из задних рядов, затмевая солнце, летели копья. И падали воины Конана, не успевая отбивать летящую смерть.

Горстка уцелевших воинов с трудом отражала атаки дикарей, когда из середины круга раздался зычный голос Эскилампа. Он стоял, подняв светящийся кинжал, и голос его был подобен грому. Откатилась черная орда, замолкла, и вышел вперед маленький, сморщеный человек с черным камнем на шее.

Он поднял обе руки и прокричал заклинание на языке Древних. Согнулся от боли Эскиламп, но, застонав, тут же выпрямился, и вновь засверкал его волшебный кинжал. Отблеск упал на лицо Мраавы — и рухнул на колени черный колдун, закричав от невыносимого страдания. С рычанием поднялся чародей, держась за отполированный камень, и вновь завопил на забытом языке Древних. На языке чудовищного Ктулху, дремлющего до поры в подводном городе Р'лиех.

На сей раз упал навзничь Эскиламп и долго не мог подняться. Жутким смехом засмеялся Мраава. Сорвал свою набедренную повязку, обернулся копье. Что-то прошептал, и вспыхнула тряпка — бросил он копье в центр круга и снова засмеялся.

Жарким пламенем вспыхнула земля вокруг поверженного Эскилампа. И одновременно двинулись в атаку черные воины колдуна.

Конан бросился к охваченным пламенем друзьям. Вынес из огня Эскилампа. А Диран помог выбраться обескровленному Хепату. Но пламя разрасталось. Странным образом друзья опять оказались внутри огненного круга. Из-за стены пламени раздавались крики наемников — огонь добрался и до них. Мраава решил силой талисмана сжечь оставшихся врагов заживо.

И вдруг зазвучала чудесная тихая музыка. Бессильно опали языки пламени, и перед друзьями предсталла невероятной красоты женщина. Легкое белое платье развевалось на ветру, задувавшем огонь. Чело богини украшала тонкая, почти невидимая корона с огромным бриллиантом в центре. Ее чистые глаза лучились тихим, загадочным светом.

— Иштар, — прошептал Эскиламп, — великая богиня... Царица Инанна, это ее другое имя... Как и было предсказано, она пришла спасти... нас... тебя, Конан...

Богиня повела рукой, и пламя с шипением потухло. Черное воинство пало ниц — дики, подывая от страха, лежали, зарываясь лицом в песок. Мраавы среди них не было.

— Поспешите, — Голос богини струился, подобно журчанию прозрачного ручейка в священной роще. — Догоните черного колдуна и уничтожьте талисман. Дики вас больше не тронут. Мрааву вы найдете в пещере одинокой горы на юге страны. Прощайте и поторопитесь. Колдун попытается разбудить Спящего... Любой ценой ему надо помешать...

— Так... почему, она, царица эта, то бишь, богиня, дальше нам не поможет? — Хепат вопросительно глянул на Эскилампа.

Небольшой конный отряд наемников сопровождал Конана, Эскилампа, Хепата и привязавшегося к ним Дриана на юг, к одинокой горе, о которой говорила богиня. Остальных солдат Конан отправил в Ксутал с приказом дождаться его скорого возвращения.

Эскиламп недовольно глянул на любопытного гнома:

— Боги не могут прямо вмешиваться в эти дела... Ктулху тоже действует через adeptов своего культа.

— Да кто такой, этот Ктулху? — не унимался Хепат.

— Величайший и ужаснейший из древних! — отрезал Эскиламп и слегка пришпорил коня, давая понять, что разговор окончен.

К одинокой горе подъезжали на закате. Зияющая черная пасть пещеры выглядела зловеще. Приказав солдатам разбить лагерь, Конан, хмурившись, повернулся к Эскилампу:

— Ты можешь точно узнать, где сейчас находится Мраава? Пещера, как мне думается, имеет множество разветвлений!

— Я постараюсь узнать... — Колдун сосредоточенно забормотал заклинание.

Хепат, тем временем, сделал несколько факелов, связал их и забросил за спину. Затем проверил, легко ли выходит из ножен кинжал, и объявил, что он готов идти хоть в самую преисподнюю. Конан ждал, нетерпеливо расхаживая у входа в пещеру. Наконец, Эскиламп вскинул голову:

— Я знаю, где он! Нужно спешить, он уже начал...

Друзья устремились в недра горы. Пещера действительно имела множество разветвлений, но колдун уверенно выбирал дорогу, ни разу не остановившись. Миновали множество гротов с разноцветными сталактитами и грозьями летучих мышей. Наконец, Эскиламп указал на небольшой, малозаметный тоннель.

— Он там... Подождите, я должен подготовиться.

Сосредоточившись, волшебник долго что-то шептал, вынув кинжал и приложив его ко лбу.

* * *

Небольшая пещера освещалась несколькими закрепленными на стенах факелами. Посредине на плоском камне лежала связанная черноволосая женщина. Рядом, с горящими безумием глазами, суетился рано поседевший, исхудавший воин. Он то и дело поправлял веревки, затем отбегал в сторону и наклонялся над длинной расщелиной, наискось пересекающей пещеру.

— Он идет! Он идет! — кричал безумный воин, глядя на сидящего поодаль маленького, сморщенного человека с плоским черным камнем на шее.

Из расщелины — этого жуткого провала в бездну — доносились странные звуки. Казалось, нечто, шурша и царапая когтями стены, поднимается наверх.

Сморщенный человек простер руку, и воин пал перед ним на колени. Затем, завывая, как бездомный пес, отполз в сторону и затих, свернувшись у стены. Никто не должен мешать великому таинству пробуждения Спящего.

Мраава подошел к связанной женщине.

— Тебе будет оказана великая честь! Ты станешь невестой самого Ктулху!

Распростертая на алтаре жертва испуганно смотрела на мерзкого, сморщенного человечка. Кляп во рту мешал не только говорить, но и дышать. От недостатка кислорода кружилась голова, и все происходящее казалось просто жутким сном.

Еще недавно она была женой самого богатого человека в стране. Он, правда, стал жутко ревнивым, и его пришлось обезглавить, но это мелочи. Вместе с самым неутомимым любовником она собиралась вернуться в Ксутал, собрать несметные сокровища покойного мужа и выехать с караваном на север.

Но любовник попал под влияние черного колдуна — и вот она, обнаженная и беспомощная, лежит на алтаре в недрах горы. Как переменчива судьба! Как зло она шутит над людьми...

Мраава подошел к расщелине и прислушался. Царапание приближалось. Из глубины ужасного провала потянуло запахом тления. Послышился далекий, тусклый вой.

— Это еще не он... это его слуги... — бормотал колдун, вслушиваясь в доносящиеся звуки.

И обернувшись к женщине, уже громко продолжал:

— Сейчас тебя заберут в Р'лиех! И когда великий Ктулху проснется и познает твоё тело, выпьет кровь и пожрет плоть, он сумеет выбраться на поверхность и восстановить власть, утраченную в битве со Старшими Владыками!

Мраава захихикал и потер сухие щершавые руки.

Безумный воин вдруг вскочил и быстрым движением обнажил меч, с которым не расставался даже во время сна. В пещеру быстрым шагом вошел Конан. За ним — Эскиламп и Хепат.

— Убей его! — крикнул Мраава безумному слуге, указывая на Конана.

Воин с рычанием бросился в атаку. Сумасшествие придавало ему силы, и некоторое время киммериец едва успевал отбивать удары, наносимые с неимоверной быстротой.

«Это лучший воин из телохранителей Гассана», — вспомнил Конан.

Он успел заметить связанную Итилию на алтаре и все понял. Телохранитель стал слугой черного колдуна и предал любимую женщину.

Эскиламп и Мраава стояли друг против друга, как каменные изваяния. Каждый держался рукой за свой талисман, и оба древних артефакта вибрировали, испуская силовые волны.

Хепат подбежал к Итилии и поспешно разрезал веревки. Женщина, рыдая, обняла гнома, не в силах вымолвить ни слова. А из расщелины доносились звуки приближающихся неведомых существ. Сильнее потянуло затхлым смрадом.

Злобный вой теперь слышался отчетливо. Казалось, вот-вот из бездонной трещины вынырнут ужасные твари.

Конан, наконец, отбив очередной выпад противника, левой рукой нанес ему удар в подбородок. Бывший телохранитель опрокинул на спину, вскочил, как кошка, готовясь к новой атаке, но меч Конана уже вошел ему в средину груди. Безумец испуганно глянул в синие глаза убившего его человека, затем, уже осмысленным, просветлевшим взором окинул пещеру, заметил Итилию, Хепата, Эскилампа. С ненавистью долго смотрел на застывшего черного колдуна, а затем улыбнулся и сказал Конану:

— Убейте колдуна... Убейте тех, кто сейчас появится... Спасите женщину... Спасите мир...

С трудом вынул Конан меч из грудины умершего, одним прыжком достиг места, где застыли в невидимой схватке маги, и быстрым ударом снес с плеч Мраавы его сморщенную голову.

— Скорее, — крикнул Эскиламп, — разбей талисман!

Плоский черный камень с веревкой, продетой в небольшое отверстие, лежал рядом с обезглавленным телом колдуна.

— Скорее! — повторил Эскиламп. — Не касайся его руками! Разбей ударом меча!

Конан медлил. Камень был таким красивым! Камень хотел служить ему, великому воину, Конану, сделать его властителем всех цивилизованных стран, сделать его королем, волшебником... Камень принесет удачу, богатство, славу! Камень поможет достичь истинного величия...

Резкий удар меча — и наваждение исчезло. Одна половинка потускневшего камня лежала у алтаря, другая — отлетела к трупу несчастного телохранителя.

— Я уж боялся, что он зачарует тебя, — улыбнулся Эскиламп. — Это был очень сильный талисман. Пожалуй, даже сильнее моего... — И он любовно погладил лезвие кинжала.

— Да, этот камень сулил... много чего... — буркнул Конан и повернулся к Итилии. — Зачем ты убила...

Оглушающий вой раздался в пещере. Распространяя ужасное зловоние, из расщелины выскочили две чешуйчатые твари. Словно ожившие вдруг горгульи они заковыляли к алтарю, поводя налитыми кровью глазами.

— Это самые низшие существа, они почти не имеют разума, — пояснил Эскиламп. — У них задание — доставить приготовленную жертву.

Твари в недоумении остановились у алтаря.

— Может, подбросить им тело великого колдуна, лишившегося головы и талисмана? — Конан с усмешкой повернулся к Эскилампу.

— Не стоит злить попусту Древних... Тем более, самого Ктулху... Подождем, эти твари сейчас уберутся...

Итилия подошла к Конану и, вздрагивая, скользнула в его объятия. Киммериец удивленно посмотрел на женщину — он вовсе не был склонен обнимать ее после всего, что она натворила...

«Горгульи» тупо оглянулись, увидели расщелину, быстро засеменили к ней и с воем бросились вниз, оставив после себя ужасный запах гниющих трупов.

Конану удалось, наконец, оторвать от себя испуганную, обнаженную женщину.

— Зачем ты убила Гассана? — повторил он вопрос.

— Он ревновал, как... как идиот! И собирался отрубить мне голову... Кажется, собирался...

Эскиламп мягко коснулся плеча Конана и вкрадчиво произнес:

— Купец Гассан погиб в битве с силами тьмы! Мы все это знаем... Итилия, его верная жена, а теперь вдова, наследует дворец и все, что принадлежало покойному. Я думаю, она щедро заплатит всем, кто спас ее от смерти!

— Пусть заплатят наемникам — кто остался в живых — и вдовам погибших ополченцев! — пробурчал Конан, направляясь к выходу из пещеры.

Хепат с факелом поспешил следом. Итилия с благодарностью глянула в смеющиеся глаза Эскилампа.

— А тебе, великий волшебник, я заплачу столько, сколько скажешь! Особенно если ты

уговоришь Конана хоть несколько дней попировать у меня во дворце...